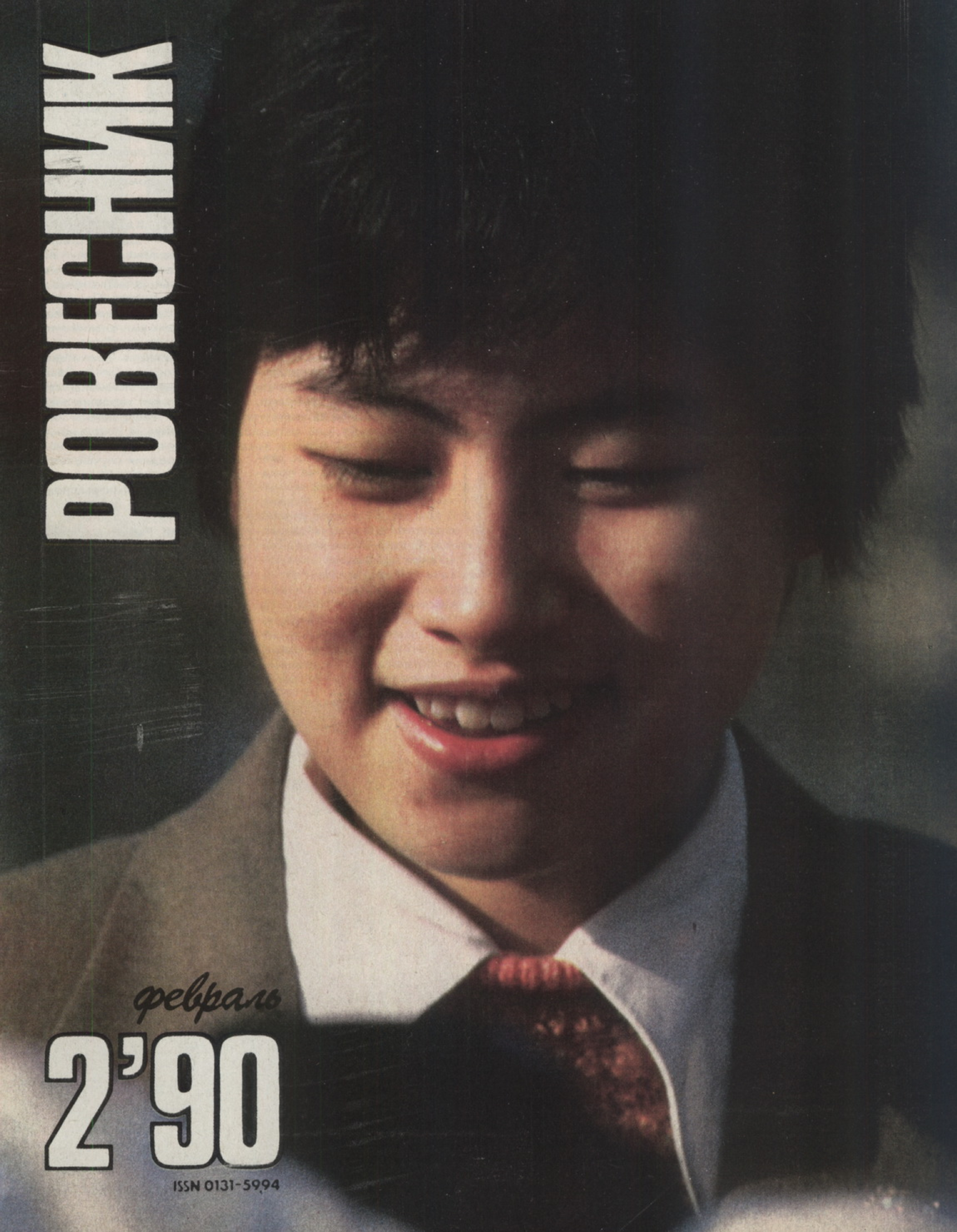
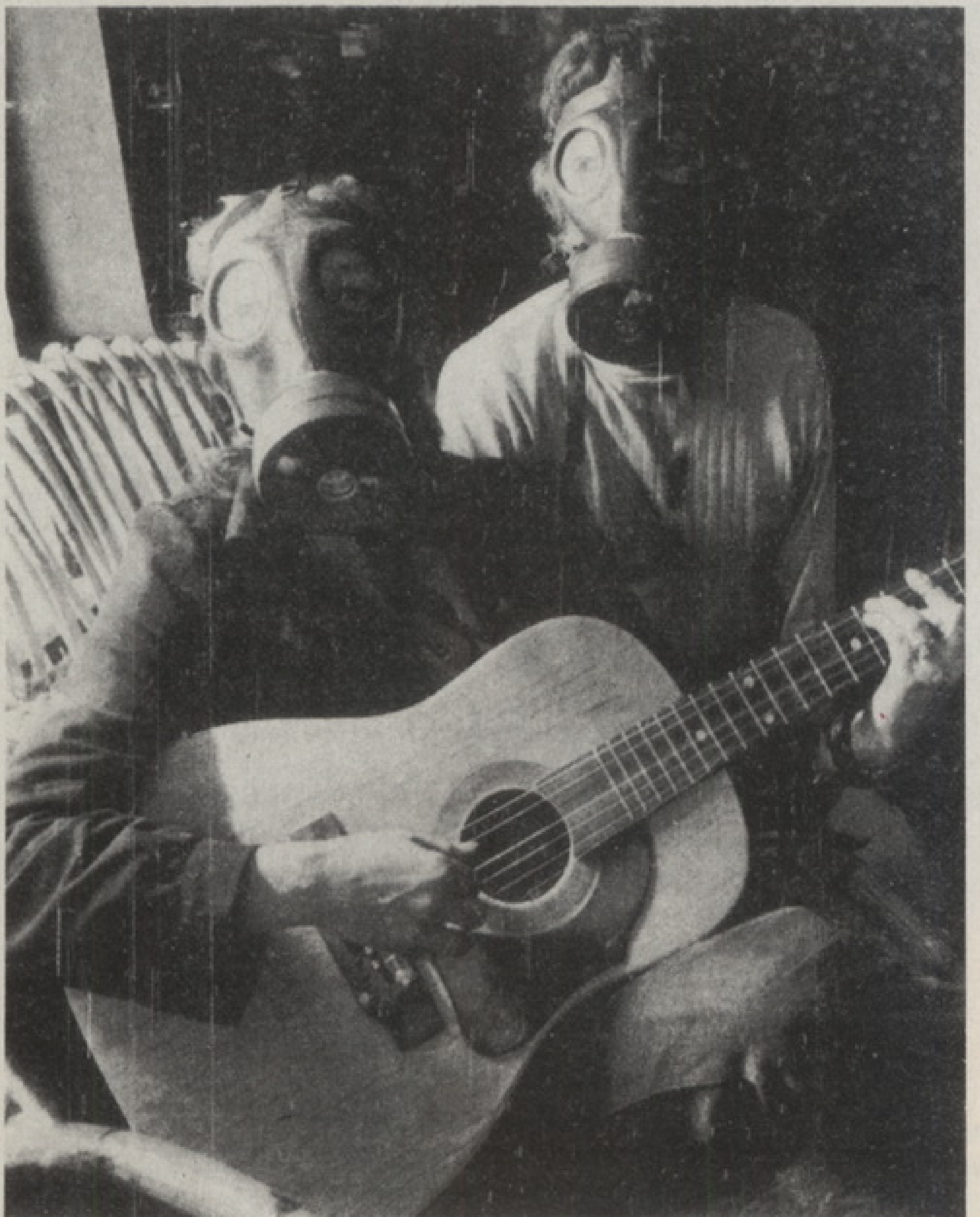

РОВЕСНИК
февраль
2'90
ISSN 0131-5994



ФРАНКФУРТ. Мы настолько привыкли к бытовой химии, что просто и не задумываемся об опасности, которой можем подвергнуться, когда, например, красим пол или травим тараканов. А вот в ФРГ задумались. Хайнц Йозеф Роус, бывший почтовый служащий, получает пенсию по инвалидности после того, как пропитал деревянные стены своего дома особым составом, который, как обещала реклама, должен был предохранить дом от гниения. В результате химического отравления он страдает головными болями и с трудом передвигает ноги. Подобных случаев становится все больше с тех пор, как химия вошла в быт. Сегодня владелец дома или квартиры практически не может обойтись без всевозможных химических лаков, клея, опрыскивателей, дезодорантов, красок. Очень многие из них содержат ядовитый диоксин. Использование этих препаратов, призванных сделать жилище прочнее и краше, на самом деле часто приводит к тому, что в доме становится опасно жить. По оценкам экспертов ФРГ, каждая десятая квартира в стране представляет собой место, отравленное химическими веществами. Жителям подобных квартир следовало бы использовать в быту противогазы, как это делают герои снимка — или эвакуироваться.

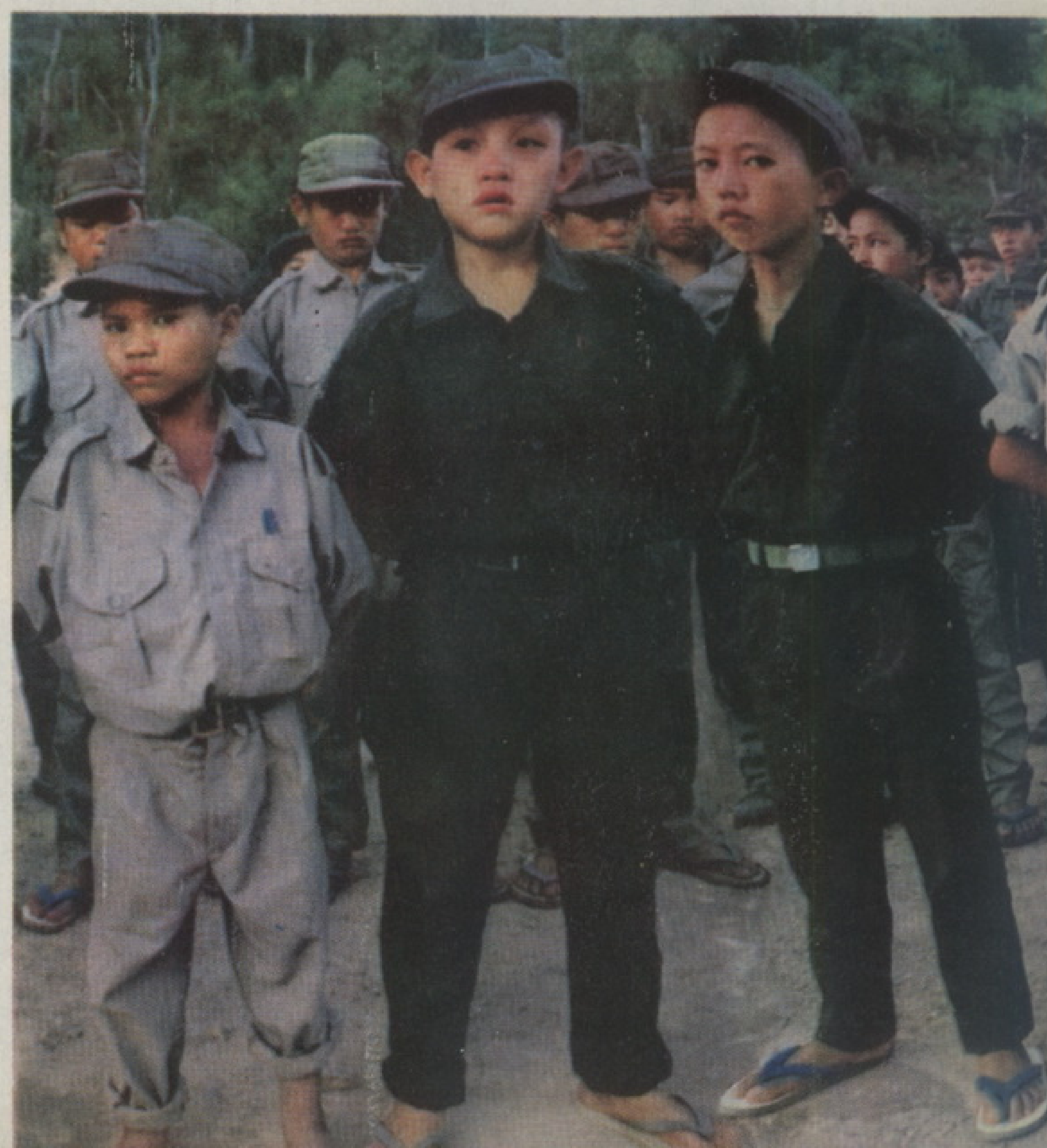
БЕЛГРАД. Среди поставщиков «гастарбайтеров» Западной Европе Югославия занимает одно из первых мест. Больше всего югославов работает в ФРГ (600 тысяч), Англии, Швейцарии, Франции. В последние годы югославские «гастарбайтеры» сталкиваются с падением спроса на их труд, 30 тысяч человек ежегодно возвращается на родину, так и не найдя работы в западноевропейских странах.

КАНБЕРРА. Молодой австралийский режиссер Йаху Сириос («сириос» — по-английски «серьезный»; это его псевдоним) поставил кинокомедию, сам написал сценарий и снялся в главной роли — великого физика Альберта Эйнштейна. «Свою карьеру я начинал в документальном кино, — рассказывает он,— но всегда так выходило, что мои ленты превращались в комедийные». Однажды Йаху снимал документальный фильм в Бразилии. «Мы спускались по Амазонке, и нам повстречался индеец в старой майке, на которой было нарисовано лицо 72-летнего Эйнштейна, показывающего язык. Я подумал: если в такие-то годы человек способен всем показать язык, что же он вытворял в молодости?» Йаху занялся исследованием жизни Эйнштейна и пришел в восторг: «Он был отличным парнем!» Идея создать фильм о юности Эйнштейна так завладела им, что молодой документалист продал все свое имущество, чтобы финансировать съемки. «В этом фильме я не просто развлекаю, но и хочу сказать важные вещи о политике, экологии и борьбе за мир»,— говорит Йаху.

МОСКВА. IX конгресс движения «Врачи мира за предотвращение ядерной войны» завершил работу в Москве. В конгрессе приняла участие студенческая секция движения. В мае—июне студенты-медики планируют провести велопробег по Прибалтийским республикам, Скандинавским странам, ФРГ и Польше, пропагандируя идею безъядерного Балтийского моря. В июне—августе студенческая программа предусматривает осуществление проекта «Гарвард (Бостон) — 2-й медицинский (Москва) — Университет Найроби. Здравоохранение и гражданская дипломатия». Молодые врачи из трех стран будут работать в деревнях Кении, оказывая медицинскую помощь населению.

ТОРРАНС, КАЛИФОРНИЯ. Местная администрация школ предложила тему экзаменационного сочинения: «Что я знаю о наркотиках», и две тысячи учащихся написали работы, стараясь показать максимум знаний по данному вопросу. Сочинения были собраны и прочитаны экзаменаторами. Тут-то и выяснилась цель экзамена: те, кто обнаружил хорошие знания, были направлены на «проработку» к школьному начальству и следом к наркологу. Вот редкий случай, когда провалившиеся на экзамене оказались в выигрышном положении.

БАНГКОК. Ребята выстроились по стойке «смирно». В их глазах нет радости. Эти дети, которых вы видите на снимке, не имеют права на игры и развлечения. В четыре утра их разбудил удар гонга. После построения они приступят к военной подготовке, будут маршировать, стрелять, отра-



батывать приемы боевого искусства. Плюс два часа политзанятий и в течение часа пение патриотических песен. Кроме того, у них десятичасовой рабочий день: они выкорчевывают деревья и распахивают рисовые поля. Едят два раза в день.

С автоматами в руках они круглосуточно охраняют территорию своего лагеря.

Они — будущие солдаты армии крупнейшего в мире производителя наркотиков Кун Са, правителя «Золотого треугольника» (район на границе Таиланда и Бирмы). Чтобы наркотики из «опиумной зоны» продолжали распространяться по всему миру, Кун Са нужна сильная армия, без нее ему не противостоять правительственным войскам. Сам Кун Са утверждает, что численность его армии составляет 20 тысяч человек. Солдаты для этой армии готовятся с детства: в шестилетнем возрасте детей забирают из семей и помещают в военно-трудовой лагерь, где их обучают верно служить своему господину и мириться с любыми лишениями.

ЛИВЕРПУЛЬ. Обычно школьники не любят домашние задания. Но тут другой случай. Что бы вы сказали, если бы вам задали сделать эскиз обложки диска любимой рок-группы, написать сценарий музыкальной радиопрограммы или составить свой хит-парад? Именно такие задания получают английские школьники на уроках по средствам массовой информации. Министерство просвещения разрабатывает специальную учебную программу на общенациональном уровне, и уже выпущена подборка учебных материалов о популярной группе «Уэм», на примере которой рассказывается об индустрии поп-музыки. Правда, ярко оформленные, изданные на глянцевой бумаге, сопровождаемые иллюстрациями обложек дисков и плакатами, эти материалы трудно назвать «учебными», но почему бы и нет? «Изучение экономических механизмов на примере поп-индустрии нам кажется прекрасной возможностью ввести школьников в курс дела и при этом не наскучить им»,— говорит Лили Феррари, редактор учебной программы о «Уэм».



ДУБЛИН. Каждые 12 минут один ирландец навсегда покидает родину. В средние века в Ирландии жило чуть ли не в два раза больше людей, чем сегодня. В те времена голод и протестантская инквизиция соседней Англии гнали людей с острова, сейчас главная причина эмиграции — безработица, ее уровень самый высокий среди европейских стран. Те молодые люди, которым удается найти работу, остаются на родине. Как правило, найденная ими работа, неквалифицированная и низкооплачиваемая, не подпадает под защиту профсоюза. Начиная с 1980 года из Ирландской Республики эмигрировало 300 тысяч человек — в подавляющем большинстве молодежь. Причем цифры могут оказаться еще выше, так как многие молодые ирландцы покидают страну «неофициально»: например, уезжают в США на каникулы и остаются там навсегда. Если учесть, что население Ирландии всего три с половиной миллиона, можно понять, что имеют в виду ирландские журналисты, когда говорят о «стране без будущего».

В НОМЕРЕ:

На первой странице обложки: этот снимок наши корреспонденты Л. БЕРГОЛЬЦЕВ и В. КОРНЮШИН сделали на улице Пекина. Фоторассказ о сегодняшнем Китае смотрите на страницах 4—5.

РОВЕСНИК '90

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

№2 февраль

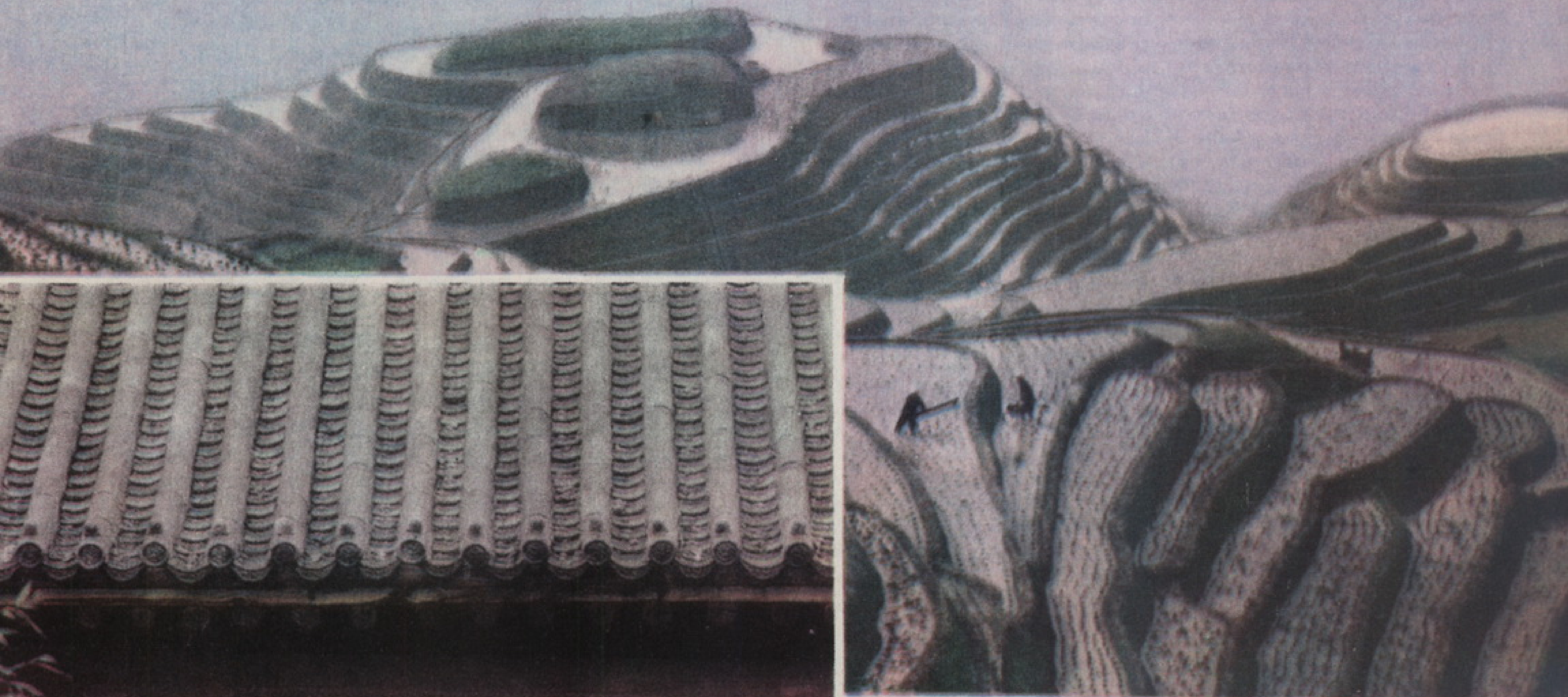
Главный редактор А. А. НОДИЯ
Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, С. В. КОЗИЦКИЙ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ, С. Н. ЧЕЛНОКОВ, И. А. ЧЕРНЫШКОВ (зам. главного редактора)
Художественный редактор
Т. Н. Филипповская
Оформление художника
И. М. Неждановой
Технический редактор
М. В. Симонова
Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП. Новодмитровская ул., 5а.
Телефоны: 285-89-20 — для справок. 285-80-62 — отдел писем.

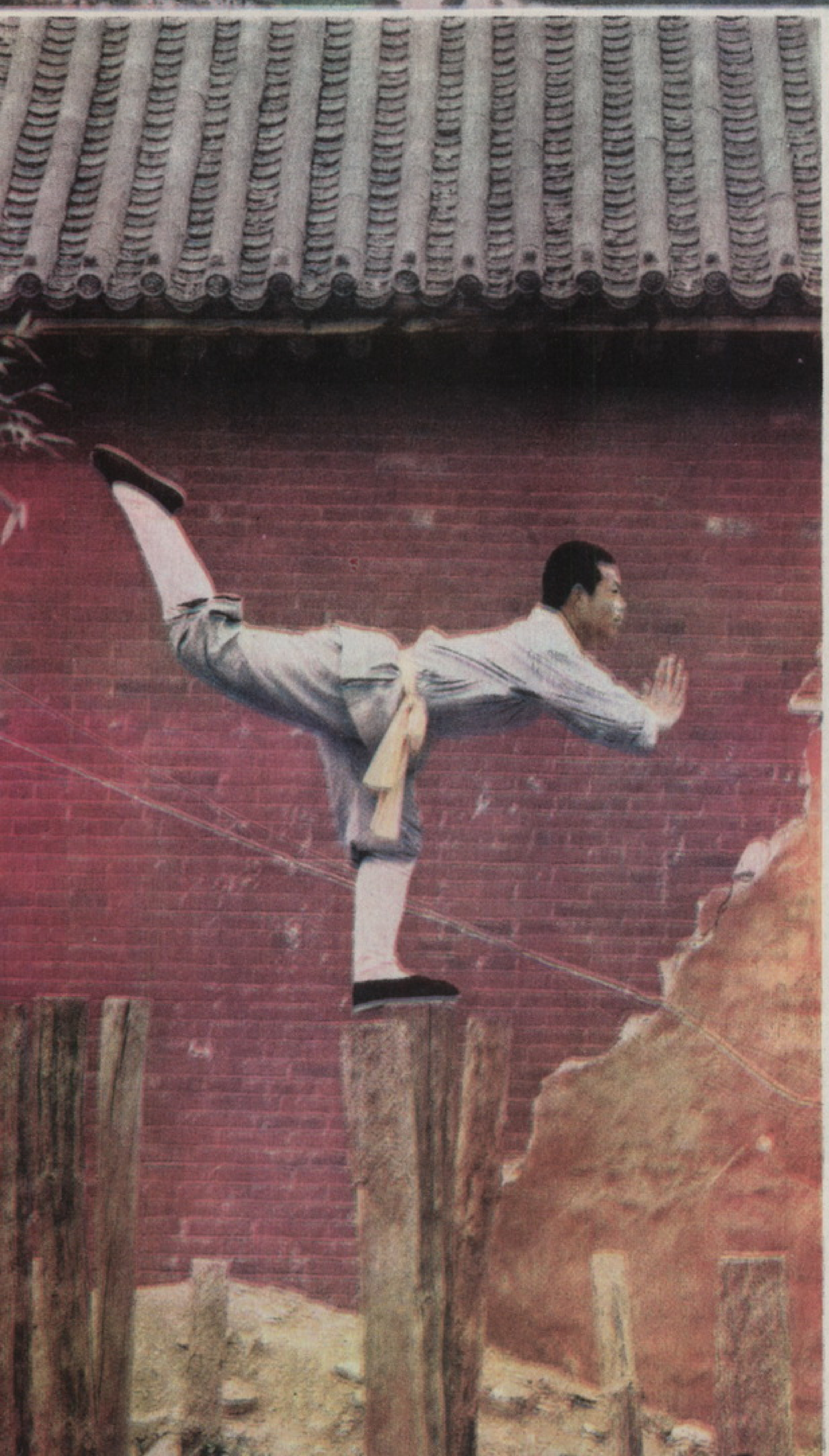
Сдано в набор 11.12.89. Подписано в печ. 10.01.90. А02206. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная, глазированная с покрытием. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 2 980 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 397.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Смотрите:

Наверное, можно было выбрать эффектные фотографии заваленных современными товарами полок пекинских магазинчиков, роскошных небоскребов специальных экономических зон, шикарных автомобилей на дорогах и так далее. Мы выбрали другие, на которых этот новый Китай, которому всего десять лет, только неприметный фон, и на этом фоне протекает непрерывная, измеряющаяся не десятилетиями, но веками жизнь. Та обыкновенная жизнь, которую из-за разлада, отчуждения, высокомерия, заполнивших одно время наши отношения с Китаем, мы не видели. А в результате — годы, десятилетия были упущены для нормальных, здоровых отно-







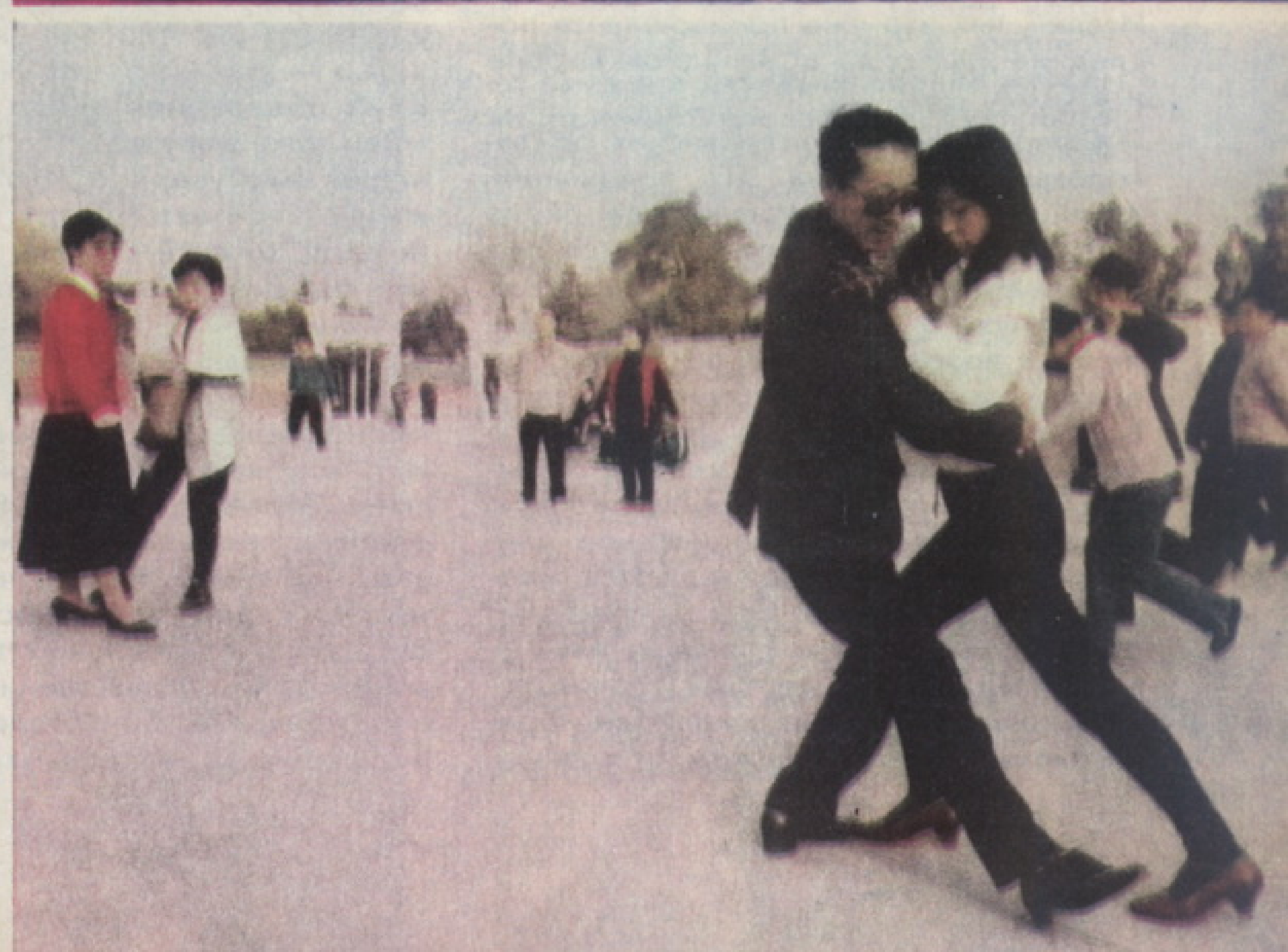
шений двух народов, не говоря уже о том, что моральные потери от конфронтации подсчитать куда труднее, чем экономические.

Ушли в прошлое времена, когда обе наши страны предпочитали учить, а не учиться друг у друга. Учиться же в нынешних условиях, когда реформы — непреложный, исторически неизбежный путь развития и совершенствования социализма, нам необходимо.











Впервые они появились в Лондоне в 1967 году. Сейчас они вновь активизировались, в том числе в Италии. Они — это молодые расисты, поборники насилия и футбольные болельщики-фанаты.

Их игрища обычно кончаются тем, что кого-то с проломленной головой или ножевой раной забирает «скорая помощь». Иногда, правда, речь идет о более безобидных поступках, вроде скандала в магазине, торгующем джинсами. Их поведение и внешний вид так же, как их неонацистские и расистские лозунги, все те же вот уже 20 лет: военизированный наряд, частично или полностью бритые головы. Их всегда было немного, но каждый раз, когда они начинали действовать, они поражали воображение и становились сенсацией. Так произошло в Лондоне в 1967 году, когда первые бритоголовые заявили о себе своими стычками, теми самыми, которые были затем показаны в английском фильме «Как они начинали». То же самое произошло не так давно в Риме: группа из 15 бритоголовых напала на молодых людей, выходивших из кинотеатра; в результате два молодых человека — Андреа Сести и Джаннунцио Тровато — были в тяжелом состоянии отправлены в больницу. Полиция и карабинеры ведут расследование, выявляют личности нападавших. И тут обнаруживается, что римских бритоголовых — не более пяти десятков, но среди них есть группа, организованная лучше остальных и охотнее прибегающая к насилию.

Члены этой группы встречаются в Колле-Оппио (район традиционных сборищ правых экстремистов); уже совершены зверские избиения (как правило, перед лицеями) и спровоцированы драки (главным образом в дискотеках). Говорят, что некоторые члены этой группы участвовали в сборищах неонацистов в ФРГ. Общий вывод таков: их, очевидно, не так уж много, но они опасны и вызывают озабоченность. Таким образом, «блуждающая мина» бритоголовых взорвалась и в Италии, как это уже произошло за последние два года в Западной Европе и в США.

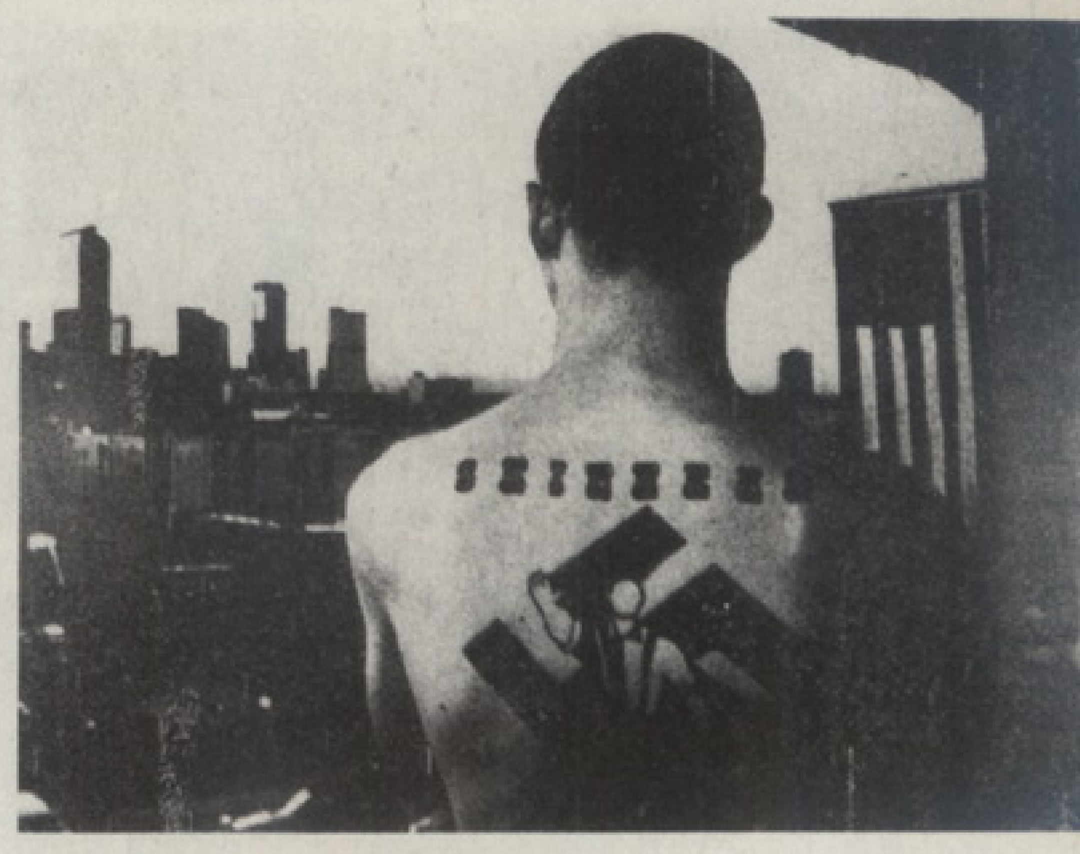
Сфера действия итальянских бритоголовых ограничена. Их признанной столицей является Милан, где около 200 бритоголовых околачиваются под колоннами Сан-Лоренцо и в дискотеке «Пластик». В основном это молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет, существующие за счет случайных заработков и расходующие значительную часть этих денег на фирменную одежду. Они голосуют за неофашистскую партию Итальянское социальное движение, заявляют, что являются неонацистами и прежде всего расистами: одно из их любимых развлечений — это нападения на уличных торговцев-африканцев. Однако миланские бритоголовые в политическом отношении

Мария Лаура РОДОТА,
итальянская журналистка

КТО ТАКИЕ

не имеют большого значения. Так, например, активисты действующего в Милане Фронта молодежи — экстремистской организации, носящей элитарный характер, считают бритоголовых мужланами. И если последние присоединяются к шествиям фронта, от них стараются отделаться.

Миланские бритоголовые, которых отстраняют таким образом от политической деятельности, дают выход своей энергии на футбольных ристалищах, болея за команду «Интер». Года два назад они основали клуб бритоголовых — фанатов команды «Интер». Клуб объединяет около ста фанатов. «Они тоже заявляют, что являются неонацистами; уверяют, что они поддерживают контакты с другими бритоголовыми во всей Европе. Но я думаю, что бывают лишь отдельные встречи во время поездок с другими группами бритоголовых,— говорит социологАннарита Калабро, один из авторов книги «Неформалы: способ выражения».— Их лозунги — человеконенавистнические: евреев следует убить всех до одного; чернокожих тоже надо убивать. Женщины пусть лучше сидят дома. Но в действительности они хотят лишь покрасоваться на стадионе, спровоцировать столкновения». Полиция подтверждает: бритоголовые фанаты, болеющие за «Интер», ухитряются уст-



раивать потасовки даже тогда, когда для этого нет никакого повода.

Они готовы подраться, даже если их сравнивают с другой группой бритоголовых, болеющих за футбольную команду «Милан». Эта группа насчитывает не более 15 фанатов, которых презирают ортодоксальные бритоголовые, болеющие за «Интер», хотя последним «героем» миланской уголовной хроники стал как раз 19-летний Лука Бональди, арестованный за драку, во время которой погиб молодой писатель Антонио Де Фальки. Но еще больше миланские бритоголовые не

любят римских бритоголовых, потому что считают их коммунистами.

«Раньше римские молодежные группы состояли из жителей окраин, которые иногда придерживаются почти левых убеждений,— говорит социолог Феличе Липери, занимающийся молодежными проблемами.— Эти молодые люди не часто прибегают к насилию, разве что затевают потасовки на каком-нибудь концерте, как это произошло в прошлом году во время выступления одной английской рок-группы».

Согласно последним сообщениям полиции даже в районе Альбероне, который является вотчиной этих неформалов, в последнее время не произошло никаких серьезных инцидентов. И точно так же известные группы бритоголовых, а именно группы из Ченточелли, Примавалле, Чинечитта, почти не появляются в центре города. Один из этих бритоголовых по имени Альфио согласился побеседовать с нами. Он уверяет: «С бритоголовыми с площади Капраника у нас нет ничего общего. Это какая-то другая группа. Это парни, которые околачиваются чаще всего в районе Пантеона. Весьма возможно, что это фашисты, которые просто обрили себе волосы».

«Не все бритоголовые опасны,— уверяет социолог Луиджи Манкони.— Так, например, в Кальяри группа бритоголовых устроила концерт, демонстрируя кельтские кресты. В ответ на критическую заметку в газете «Унионе сарда» члены этой группы не набросились на журналистов с железными палками, а направили им вежливое письмо с извинениями».

Группа, совершившая нападение на 8 студентов при выходе из кинотеатра, по-видимому, действительно отличается от остальных. Она состоит из молодых людей, которые живут в районе Колли-Оппио, в мелкобуржуазном районе Тусколано или даже неподалеку от фешенебельной Виа Венето, как, например, 18-летние братья-близнецы Стефано и Джермано Андрини (скрывающиеся от полиции), на арест которых выдан ордер. «В этом нет ничего странного: среди бритоголовых есть выходцы из богатых семей»,— комментирует Примо Морони.

Причем для детей богатых родителей быть бритоголовыми даже легче, потому что для того, чтобы одеваться «как следует», им нетрудно потратить пару миллионов лир, а именно в такую сумму обходится экипировка, состоящая из английских непромокаемых ботинок с окованными мысами, майки с изображенными на ней черепом и надписями, трехцветных подтяжек (цветов национального флага), кожаной куртки. Некоторые из них делают татуировки. Они предпочитают строгие цвета — бордо, темно-синий, хаки. «Новые бритоголовые держатся более замкнуто, чем бритоголовые начала 80-х годов, которые смешивались с другими молодежными группами вроде панков (придерживающихся левых взглядов) или металлистов (аполитичных)»,— говорит Лука Кайоли, один из авторов книги «Неформалы: способ выражения».

БРИТОГОЛОВЫЕ?

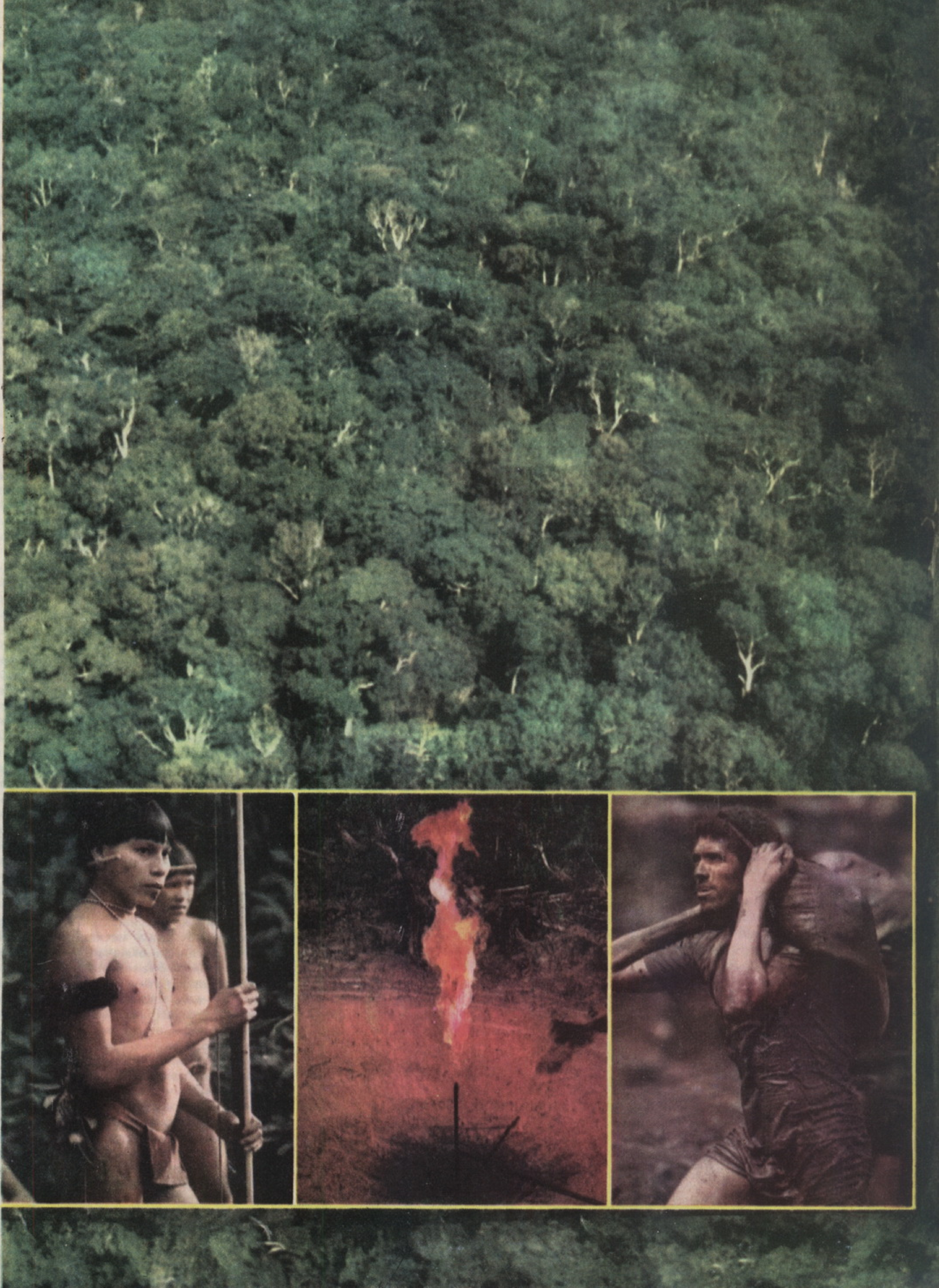


И это не единственное отличие новых бритоголовых, явно активизирующихся, от старых. Если несколько лет назад итальянские бритоголовые ограничивались стычками, то сейчас, судя по всему, кое-кто из них преследует более серьезные цели. И за границей группы бритоголовых стали более жестокими, чем прежде. В прошлом году в Лилле, на севере Франции, 19-летний бритоголовый убил наркомана, потому что «у него был глупый вид».

Американские бритоголовые (их не более 2 тысяч, и они действуют главным образом на Тихоокеанском побережье) явно пользуются сейчас популярностью: о них сообщают средства массовой информации, а расистские организации, такие, как ку-клукс-клан и «Белое арийское сопротивление» Тома Мецгера (сейчас самый известный в Америке расистский лидер, который называет бритоголовых «нашими ударными отрядами»), всячески обхаживают их и стараются привлечь на свою сторону, хотя на недавних сборищах бритоголовых в штатах Калифорния и Орегон участников оказалось гораздо меньше, чем журналистов и фоторепортеров.

В Англии бритоголовые также активизировались. Это лондонцы, придерживающиеся более твердых неонацистских убеждений, чем прежде (несколько лет назад они ориентировались на правую организацию «Национальный фронт», сейчас они считают ее «слишком либеральной»); неформальные молодежные группы промышленных городов Севера, а также «красные бритоголовые», придерживающиеся крайне левых убеждений. Всего в Англии бритоголовых насчитывается около 2 тысяч, и их число, судя по всему, растет. «Ведь совершенно естественно то, что подобные заблуждения возникают периодически»,— говорит Леонард Зескинд из Атланты, где он занимается изучением расистских движений. «Это первое поколение белых молодых людей на Западе, которые живут не лучше своих родителей. Уже сама эта ситуация вполне может стать причиной проявлений группового насилия». А пока исследовательский центр Зескинда отмечает увеличение числа драк, избиений, побоищ.

«Все дело в том, что бритоголовые по-прежнему поражают воображение,— поясняет английский социолог Дик Мебдидж, автор книги о молодежных неформальных группах «Субкультура: знамение времени».— Не случайно они появились в городах, расположенных у воды, таких, как Лондон и Портсмут, ибо это дети субкультуры порта, армии, тюрьмы: они представители мира, в котором у молодых людей весьма ограниченный выбор. Точно так же, как весьма ограничен выбор у тех, кто сейчас становится бритоголовыми».





ОГОНЬ ПО ПОСЛЕДНИМ ИНДЕЙЦАМ

Фабрицио КАРБОНЕ,
итальянский журналист

Берега реки Шингу, одного из крупных притоков Амазонки: здесь, в двух днях езды на пироге с мотором из Альтамиры, живет небольшая группа аборигенов — 52 человека из племени ассурини или, вернее, то, что осталось от этнической группы, говорящей на языке тупи-гуарани, которая насчитывает ныне всего 156 человек. В деревне на берегу Шингу эти 52 индейца избрали путь коллективного самоубийства: они отказываются жить и решили позволить себя истребить. «Единственные очевидцы этой трагедии — две французские монахини, которые живут с ними и отчаянно пытаются отговорить их от этого намерения. Индейцы больше не производят на свет потомство; женщины отказываются от супружеских отношений с мужьями. Почему они это делают? В знак протеста против мира насилия, который их окружает и который они не приемлют». Слова Марио Пеццоти, итальянского миссионера, который вот уже десять лет живет среди индейцев, оглушают, как выстрел в тишине джунглей.

Мы едем дальше по реке Шингу. В джунглях у реки живут 150 индейцев из племени паракана: когда-то они населяли весь район, затопленный сейчас водохранилищем гигантской плотины ГЭС «Тукуруи», которая преградила течение реки Токантинс, еще одного притока Амазонки. После 19 депортаций из одного района в другой число паракана сократилось наполовину: самоубийства, болезни привели их на грань исчезновения. Они живут в изоляции. Те, кому удалось побывать у них, говорят о геноциде: индейцы окружены золотоискателями, которые стремятся завладеть золотоносными участками в этом районе.

Трансамазонская автострада за рекой Мадейра: эта дорога вся в ухабах и грязи, разрезавшая джунгли на две части, прошла через селение Тенхарим, разрушив его, уничтожив родные места и посевы индейцев, которые разбрелись по джунглям — не более 250 отчаявшихся людей, обреченных на исчезновение. А по дороге все едут и едут грузовики и старые автобусы, из которых выходят метисы, негры и белые, тоже отчаявшиеся люди, пытающиеся как-то выжить, привлеченные золотым миражем или надеждой получить работу в качестве рубщиков деревьев.

Индейских племен (около двух десятков разных языков) насчитывается 118 только в бразильской части бассейна Амазонки, которая составляет менее половины территории бескрайних джунглей, занимающих часть Боливии, Перу, Колумбии, Венесуэлы и Гайаны.

И потому возникает множество безотлагательных вопросов. Сколько сейчас индейцев? И кто их убивает? Кто сжигает лес? Кто рубит деревья? Кто отравляет реки и землю?

Завершилась конференция в Альтамире, убогом городке в штате Пара, поразительное сочетание фольклорных мероприятий и подлинной попытки выяснить социально-политическое положение небольшой части коренного населения, которое не желает строительства шести плотин на реке Шингу, запланированных компанией «Электронорти». Исчезла толпа журналистов и телерепортеров, которые покупали у индейцев луки и стрелы, перья попугаев, стеклянные бусы, разрисовывали лица натуральными красками и удивлялись гигантской губе вождя Раони и посреднической ловкости вождя племени каяпо Паолинью Паяканы; ошеломляюще закончились выступления рок-звезды Стинга, который предложил испуганным индейцам купить у них земли, предоставленные им в соответствии с новой бразильской конституцией (правда, границы этих земель до сих пор не обозначены), чтобы превратить их в национальный парк для вымирающих индейцев; все это ушло в прошлое, но остался «туземный вопрос».

Сколько же всего индейцев и кто их убивает? Данные, полученные нами в Бразилии, всегда разные в зависимости от источника. Судя по всему, общая численность коренного населения на бразильской территории бассейна Амазонки — 220 тысяч человек. По всей вероятности, эта цифра приблизительная, потому что есть такие этнические группы, как агавотукенги, юма, маницава, миаха, ипеви, о которых не известно ничего, кроме названия. А остальные? Возможно, 600—700 тысяч человек на площади 4 миллиона квадратных километров. Возможно, потому, что нельзя проникнуть в районы бассейна Амазонки, принадлежащие другим странам. «Здесь происходит такое опустошение, о котором никто не говорит,— сказал журналу «Панорама» этнолог Джерардо Бамонте.— Индейцев убивают многие: золотоискатели, которые ненавидят индейцев со всей силой отчаяния; солдаты, стоящие гарнизонами в джунглях на бразильской территории у границы, и, наконец, крупные землевладельцы, в распоряжении которых находится частная армия, насчитывающая более 200 тысяч человек, готовых на все, лишь бы решить силой «туземный вопрос». Индейцы умирают от болезней, которыми они заражаются от белых (прежде всего от туберкулеза и сифилиса), потому что они уклоняются от насильственной госпитализации. Средняя продолжительность их жизни составляет 44 года, детская смертность — не-



обычайно высокая (по всей Бразилии каждую минуту умирают 7 детей).

Друзья и союзники индейцев — одни лишь сирингейрос, сборщики каучукового сока бразильской гевеи. А их враги — это наемные убийцы крупных землевладельцев и рубщики деревьев, оставляющие за собой выжженную землю.

Кто сжигает лес? «Все. За исключением индейцев, которые делают маленькие, безопасные костры, и сборщиков каучука, которые живут в джунглях. А масштабы уничтожаемого огнем леса — огромные. Вы, должно быть, убедились в этом за три месяца сухого сезона, когда небо становится черным, как деготь, и легким не хватает воздуха»,— говорит Жозе Лютцембергер, сотрудник фонда «Бразилиа — город мира», эколог, награжденный премией «За правильный образ жизни», которую считают аналогом Нобелевской премии. Лютцембергер говорит гневно: «По нашим данным, только в 1987 году был выжжен лес на площади, равной территории Австрии и Бельгии, вместе взятым. Данные за 1988 год говорят о том, что выжженные площади увеличились на 50 процентов. А на 1989 год прогнозы были самые катастрофические».

Дождей нет. «Я считаю, что климат амазонских джунглей изменился, по крайней мере, за последние пять лет»,— сказал журналу «Панорама» этнобиолог Даррел Поузи, который уже более 10 лет живет вместе с индейцами из племени каяпо и изучает лекарственные свойства тысяч тропических растений бассейна Амазонки, этой своего рода аптеки мира. Он пессимистически оценивает будущее, судьбу индейцев и подчеркивает суть этой проблемы: «Дьявол, который подкидывает дрова в пламя этого ада,— это внешний долг Бразилии».

Внешний долг и джунгли? Вот что говорят «зеленые»: «Кто все это позволил? Развитые страны. Это вы финансировали генералов-путчистов и их правительства с 1964 по 1985 год. И все вы знали, насколько они продажны и бездарны. И тем не менее их снабжали миллиардами, которые никто не сможет возвратить. И сюда явились большие транснациональные компании, которые скупали Бразилию по частям с помощью налоговых льгот и с благословения правительства. Кто скупал здесь за гроши имения площадью в сотни тысяч гектаров, если не итальянские концерны вроде «Ферруцци», американские корпорации вроде «Макдональд», японские гиганты вроде «Мицубиси»? И круг замкнулся. Лес сжигают для того, чтобы могли пройти стада, а затем появляются горнорудные компании, которые скупают золото у золотоискателей за несколько бутылок виски и за ночь, проведенную в борделе. Поэтому легко себе представить, как они смотрят на индейцев, которые группами по несколько сот человек живут в этих бескрайних джунглях: они их ненавидят и физически истребляют. Вот какова сегодняшняя Бразилия. Как ни парадоксально, она занимает пятое место среди производителей оружия на планете и является восьмой промышленной державой мира».

С 1980 по 1987 год Бразилия импортировала из Испании, США, ФРГ, Великобритании и Мексики 1336 тонн ртути почти за 14 миллионов долларов, официально не для добычи золота. Статистические данные говорят о том, что за этот же период Бразилией было добыто 900 тонн золота. А поскольку для добычи одного грамма золота нужно два грамма ртути, можно сделать вывод, что в бассейн Амазонки попали 1800 тонн ртути. А золотоискателей — их насчитывается 600 тысяч только в Бразилии — сотни тысяч во всех остальных странах, расположенных в бассейне Амазонки. В Илья-да-Фазенда мы встретили одного из них; он похвастался, что может получить тонну чистой ртути, заказав ее по телефону, хотя официально это было запрещено несколько недель назад. «Это вы нам ее продаете»,— говорит он со смехом.

И это верно. Результаты исследования, проведенного бразильскими экспертами, однозначны: геологи правительства объясняют, что ртуть экспортируют в Бразилию прежде всего США, ФРГ, Великобритания, Испания и Мексика, и называют также импортирующие ртуть бразильские компании, связанные с крупными международными торговыми интересами, с генералами, находившимися у власти 21 год, с 2 тысячами бразильских семей, которым принадлежат 70 процентов всей территории страны.

Вот и получается, что это классическая история о змее, которая кусает свой хвост. Потому что в этой грязной истории с бассейном Амазонки в конечном счете замешаны все: международные банки развитых стран, транснациональные компании, крупные экономические магнаты.

По мнению бразильских поборников охраны окружающей среды, множество действующих здесь корпораций и компаний, проблемы окружающей среды и гражданских прав — все это взаимосвязано. Вот что говорит представитель Постоянной экологической ассамблеи города Бразилиа: «За последние пять лет в Бразилии были убиты 1500 человек. И это в стране, где при общей численности 130 миллионов человек 120 миллионов получают менее 1500 калорий в день, необходимых для жизни, а политики попрежнему сводят счеты с помощью убийств и пыток (организация «Международная амнистия» считает, что Бразилия занимает третье место в мире по применению пыток). Здесь убивают индейцев, священников, профсоюзных активистов, «зеленых», сборщиков каучука, политических деятелей оппозиции. В этих условиях прежде всего необходимо спасать жизнь человека. Имеются списки, насчитывающие сотни фамилий людей, которым угрожали смертью».

Священники. У монаха Карло Дзаккини и миссионеров Ренато Тревизана и Анджело Пансы сомнений нет: «Мы знаем, что находимся на прицеле наемных убийц. Мы живем ради индейцев. Мы боремся за их жизнь. Наша жизнь не имеет никакого значения».

Кто убивает сельву? Какое будущее уготовано бассейну Амазонки? Вождь племени яномама Дави Копенава говорит: «Моему народу угрожает истребление, но ведь мы — племя, известное во всем мире. Подумайте о небольших группах, которые исчезают с лица земли, даже не успев позвать на помощь».

Не надо представлять себе индейцев с кольцом в носу. Они пилотируют небольшие самолеты, которые приземляются на лесных полянах; они, как опытные операторы, обращаются с японскими телекамерами; они воспринимают жизнь в городах белых, а затем комментируют ее дома, в родном селении. Часы их жизни сочтены, и они это знают. А мы?

Знаменитый английский поэт, певец и композитор Стинг — один из самых активных сторонников индейцев в их борьбе за выживание, за сохранение лесов в бассейне реки Амазонки. Мы предлагаем вашему вниманию краткие выдержки из его «Амазонского дневника».

«...Мы спускаемся вниз по течению Шингу. Наверно, так выглядели и большие реки Европы и Северной Америки много веков назад. Когда мы приближаемся к деревне Мами, сотня ребятишек бросается в воду. У некоторых из них обрито темя, а тело покрывает черная краска. Женщина купает своего ребенка. Это проявление первородной связи с рекой заставляет острее почувствовать ответственность за них: людей и реку. Дети очень красивые. Мы подходим к берегу, и они провожают нас к деревне сквозь заросли высокой травы. Нас окружают тысячи светлячков. Кое-кто из детей держит этих маленьких насекомых в руке. Мы попали в волшебную страну.

Уже давно я убежден, что индейцы лучше понимают человеческое существование, чем мы, в отличие от нас им известна первопричина всех составляющих жизни.

Эта сцена у реки до сих пор стоит у меня перед глазами. Она как сон...

Бывают сны, которые по своей реальности почти приближаются к жизни. Они освещены первородным светом жизни и смерти, они захватывают вас так, что, когда вы просыпаетесь, ваша собственная жизнь представляется вам просто залом ожидания. Амазония — один из таких снов. Но этот сон может быстро превратиться в кошмар...»

Перевел А. ПАВЛОВ



Карин Лундгрен. Идет работа над репортажем: «Где ты берешь деньги на наркотики?» — «Знаешь, мне приходится воровать».

Шведский дом

В. СИМОНОВ

В Швеции один из самых высоких в Европе уровень жизни, практически нет безработицы, образование и медицинское обслуживание бесплатно для всех, пенсии так высоки, что лишь немногие из пенсионеров живут за чертой бедности.

Экономика в Швеции, как и во всех капиталистических странах, развивается по законам частной собственности, рынка и конкуренции, а вот распределение благ (пособия, стипендии, коммунальные услуги, социальная помощь) учитывает принципы равенства и справедливости; зарплата — по труду, общий для всех лишь минимум заработной платы: ниже нельзя.

Если в Швеции происходит забастовка и между трудящимися и администрацией предприятий возникают конфликтные ситуации, то проводятся переговоры между Центральным объединением профсоюзов и Шведским объединением предпринимателей. Трудящиеся и предприниматели, как правило, приходят к компромиссу, потому что и те и другие берут в расчет объективные экономические и социальные обстоятельства. Если все-таки переговоры заходят в тупик, вмешивается правительство: может заморозить цены, чтобы их уровень соответствовал уровню зарплаты, или снизить налоги предпринимателям, чтобы у тех освободились средства для повышения зарплаты.

Кооперативы Швеции обеспечивают население любыми товарами и услугами: в сельском хозяйстве они производят 75 процентов всей продукции, страховые кооперативы обслуживают половину населения страны, строительные возводят треть жилых домов и квартир. Экономическое соперничество с частным бизнесом увеличивает предприимчивость кооператоров, старающихся при высоком качестве поддерживать цены всегда ниже, чем у конкурентов.

Шведские местные органы самоуправления имеют огромные полномочия. Например, школьные дела полностью поручены коммунам (муниципалитетам), а здравоохранение — ландстингам (губернским собраниям). Местные власти предоставляют социальные услуги, обучают профессиям, трудоустраивают, финансируют общественные организации и социальные программы. Коммуны имеют большой штат хорошо оплачиваемых работников — каждый третий швед занят в сфере коммунальных услуг.

Одно из негативных последствий такой политики в том, что шведы живут под тяжелейшим в мире налоговым бременем, на налоги забирается до половины их зарплаты и до 75 процентов доходов предпринимателей. Огромная часть этой суммы поступает в казну органов самоуправления.

Шведское правительство действует с постоянной оглядкой на общественное мнение. Когда на референдуме 1980 года большинство шведов высказалось за полный отказ от ядерной энергетики, правительство приняло решение закрыть к 2010 году все атомные электростанции. И это при том, что АЭС дают половину потребляемого страной электричества.

Правящая Социал-демократическая рабочая партия Швеции объявляет экологию одной из своих главных забот. В проекте программы партии на 90-е годы есть и такой важный пункт: изменить характер труда, упразднить работы, не требующие высокой квалификации, предоставить шведам широкую свободу выбора занятий и при этом сохранить полную занятость.

Мечта о справедливом обществе, воплощаемая в реальность!

Фото Андерса РОТА

Она только что вернулась из вылазки в московский интернат для детей-инвалидов — усталая и посеревшая. За окном на Новозаводской — дождь. Подруги Ира и Лена — на кухне, готовят ужин. Она забралась с ногами на диван, уткнулась в плечо Алеше и пытается расслабиться. Мне бы уйти, не мешать, но через несколько часов она уедет в Стокгольм, а другой возможности поговорить не будет.

Карин Лундгрен — журналистка, работает на радио в Стокгольме, в Москву приехала с группой «Некст стоп» (а Ира, Лена и Алеша — ее друзья по «Некст стоп совьет») и делает репортаж о советских инвалидах. Прямые светлые волосы без претензий на прическу, светлые глаза, сигарета всегда в руке, одета так себе.

Почему об инвалидах?

Прежде она работала в Национальном союзе помощи инвалидам. «Сначала было страшно,— рассказывает Карин,— они выглядели так ужасно. Но когда я проработала с инвалидами три года, у меня появилось среди них много друзей, думаю, я бы не испугалась помогать и человеку, будь он хоть без головы. Та работа мне очень пригодилась, и теперь, когда я делаю репортажи, я не боюсь браться за подобные темы.

У нас инвалидов не отделяют от остальных людей, они учатся и работают среди здоровых; даже с болезнью Дауна живут как все. Вместо домов для престарелых и инвалидов строятся специальные квартиры с разными приспособлениями и удобствами, помогающими справляться с физической неполноценностью. При таких квартирах есть дежурные, они отвечают на звонки и вызовы. Хотя многие престарелые и инвалиды живут в обычных квартирах, но им помогают коммунальные помощники, как правило, подростки. Они стирают инвалидам белье, моют их, читают им газеты, готовят еду, убирают квартиру». В этом нет ничего необычного по шведским меркам. В Швеции молодые люди рано уходят от родителей (больше половины в девятнадцать лет), им нужна работа, а работа коммунальным помощником не требует особой квалификации и сравнительно высоко оплачивается.

Для инвалидов в Швеции на улицах и в общественных зданиях оборудованы специальные туалеты, где им помогают муниципальные работники, на перекрестках — звуковые устройства для слепых, в автобусах — подъемники для инвалидов в колясках («Но таких автобусов пока мало»,— уточняет Карин), лифты на каждой станции метро, такси по сниженному тарифу, бесплатные снегоуборочные работы около их жилищ, дневные центры общения с услугами по сниженным ценам. Высокие пенсии, пособия на жилье обеспечивают им финансовую самостоятельность. Куда лучше? Но Карин считает, что общество в большом долгу перед инвалидами: «Для большинства — это второсортные существа, нуждающиеся в жалости, и пусть ими занимаются коммунальные службы. Но инвалиды прежде всего люди, и им нужно, чтобы к ним относились как к людям. Необходимо изменить психологию общества».

Психология шведа главным образом определяется его отношением к работе. «Если у тебя есть хорошая работа — тогда ты человек. Даже просто представляясь друг другу, принято сразу объявлять о своей профессии! Когда я говорила, что работаю в Союзе помощи инвалидам, на меня смотрели свысока: нашла бы что-нибудь поприличнее».

Карин из рабочей семьи. В рабочих семьях — прочная вера в труд: в Швеции чем лучше человек работает, тем, естественно, он больше получает, лучше живет. Чтобы добиться материального достатка, нет необходимости в высшем образовании — достаточно получить специальность, которой обучат на бесплатных курсах, потом, тоже бесплатно, на курсах же можно повысить квалификацию. Профессиональная подготовка начинается в старших классах школы (16—18 лет), где можно выбрать одну из шестнадцати специализаций. В школьных мастерских и на предприятиях подростков обучают чему угодно — от выпечки хлеба до программирования ЭВМ.

Очень немногие дети из рабочих семей поступают в высшие учебные заведения, несмотря на то, что образование для всех равное: в одном классе учатся дети промышленников, и политических деятелей, и рабочих. Высшее образование бесплатное, каждому студенту выплачивается стипендия в 500 долларов в месяц (часть суммы возвращается стипендиатом государству после устройства на работу).

«Когда я решила поступать в университет, меня все отговаривали: кто ты такая, куда лезешь? Обычно в университете учатся лишь дети из богатых семей: родители продолжают их содержать в период учебы. А мои родители не настолько богаты, чтобы платить за меня. Я уехала от них сразу после окончания школы, в девятнадцать, и с тех пор жила в Стокгольме самостоятельно. Мои родители по-прежнему живут на севере Швеции в городке Сандсвал. Стипендия? О, этих денег ни на что не хватило бы, только плата за жилье съела бы все финансы. Не говоря о том, что деньги все равно пришлось бы возвращать. Я все-таки подала заявление на отделение постановщиков радио- и телепрограмм. Каждый год туда принимают только четырех человек. Конкурс был двести желающих на четыре места!

Поступив, я стала думать, как быть дальше, на что жить два года учебы? Я пошла в библиотеку, взяла справочник благотворительных фондов — в Швеции их тысячи, самые разные — и нашла как раз для меня: Фонд помощи нуждающимся талантливым девушкам. Если бы не поддержка этого фонда, не знаю, что бы я делала».

Окончив университет, Карин решила стать независимым журналистом. «Когда я об этом сообщила, мама подумала, что я спятила. Она даже в мыслях не могла допустить, что нормальный человек способен отказываться от постоянного рабочего места и хорошей зарплаты. Разве можно жить без материальной защищенности!»

Шведское правительство старается обеспечить полную занятость населения. Если кто-то теряет работу в случае закрытия предприятия или падения спроса на ту или иную профессию, его бесплатно обучат другой, на которую есть спрос, предоставят работу. Безработица в Швеции составляет всего полтора процента, при том, что безработным считается каждый, кто не успел трудоустроиться в течение пяти дней.

Поступок Карин неординарен. Возможно, в Швеции самое трудолюбивое молодое поколение: на вопрос — стали бы они трудиться, если бы располагали средствами, позволяющими ничего не делать и жить безбедно? — только двенадцать процентов молодых шведов ответили, что на таких условиях они согласились бы вообще не работать (во Франции — сорок процентов, в ФРГ — тридцать восемь). «Я не хотела и сейчас не хочу оказаться прикованной к рабочему месту. Это как тюрьма. А я хочу чувствовать себя немного свободной».

Карин не нравится чрезмерный рационализм шведского общества: любые социальные действия оцениваются населением по их практической выгоде. Во всем культ порядка. Человеку нет нужды импровизировать, можно просто следовать установившемуся образцу в карьере, во взаимоотношениях, даже в частной жизни. Порядок мил национальному характеру шведов. Им не нравится праздная суета и бестолковая эмоциональность. Возможно, из-за привычки шведов быть благоразумными в их законодательстве нет даже статьи о «преступлении, совершенном в состоянии аффекта».

«Конечно, социал-демократы построили во многих отношениях очень хорошее общество. «Швеция — дом для народа» — вот их девиз. Но в этом обществе есть «неразрешимые противоречия», которые правительство предпочитает обходить стороной, потому что они не соответствуют «шведской модели». Например, существует проблема расизма, но говорить о ней не принято».

По отношению к общему числу населения Швеция принимает больше беженцев, чем любая западноевропейская страна. Государство оплачивает их основные нужды, образование, профессиональную подготовку, школьное обучение их детей (причем на их родном языке), обеспечивает работой, предоставляет бесплатное жилье, пока они не встанут на ноги. Многих

шведов это возмущает. Но политика открытых дверей не просто политика, а и острая экономическая необходимость: Швеции не хватает рабочих рук. «Однажды я познакомилась с эмигрантом из Чили,— рассказывает Карин.— Высокообразованный человек, друг и соратник Альенде. Знаешь, кем он устроился работать? Мойщиком полов! И такое в Швеции случается часто. Он мог бы преподавать в университете, но интеллектуальные возможности таких людей в Швеции не используются. Обидно».

С другой стороны, с притоком иностранцев осложняется проблема преступности: среди иммигрантов уровень совершаемых преступлений куда выше, чем в целом по стране. «Журналисты предпочитают замалчивать проблему — лишь бы не подогреть страсти шведских расистов». Не буди зверя? «Именно так»,— соглашается Карин, но признается, что сама не знает, как подойти к теме, хотя убеждена, что такой разговор необходим.

Старшему поколению пришлось пережить большие тяготы, прежде чем они пришли к благосостоянию, которое имеют сейчас. Они создали свои ценности: трудолюбие — обеспеченность — потребление — порядок. Но их дети не знали ни бедности, ни борьбы за выживание. И хотя большинство молодых шведов следует по пути, проложенному их родителями, все больше появляется другой молодежи, которая считает, что ее жизнь пуста, в ней нет ничего, кроме еды и вещей. «У нас — уровень жизни, а не жизнь»,— говорит Карин.

В нашей прессе о Швеции много бравурных статей. В одной из них я как-то прочел: «Но я видел в Стокгольме немало причудливо одетых и разукрашенных молодых людей, которые часами и сутками сидят на площади. Эти «ничего не делают»... Чертополох на обочине свободы? Видимо, так». Но я не стал бы торопиться с выводами.

Наверное, как нигде в мире, шведское правительство заботится о молодежи. В 1986 году ввело должность министра по делам молодежи, спорта и туризма. На каждого ребенка до шестнадцати лет выплачивается пособие. За телесное наказание детей даже их собственными родителями полагается штраф, а за повторный проступок — тюремное заключение. В возрасте до пятнадцати лет дети не несут никакой ответственности за совершенное преступление. Те, кто постарше, наказываются небольшим штрафом, практически никогда не лишаются свободы. Риксдаг принял закон о льготах на жилье для молодежи до двадцати шести лет, строятся специальные молодежные дома, где квартиры меньше, проще и дешевле. И все-таки много молодых людей предпочитают оставаться на обочине.

«Не потому, что не могут найти работу и сделать карьеру,— объясняет Карин,— а потому, что не видят смысла работать только затем, чтобы приобретать материальные блага. Им хотелось бы иметь какой-то другой смысл жизни. Они сознательно оказались вне общества, у них другая жизнь — можно сказать, антижизнь, но именно этих людей я люблю больше всего. Конечно, среди них есть опасные для общества, но в большинстве это умные и скромные ребята. Чем они живут, какие у них проблемы? Порой у наших политиков очень странные об этом представления. Да, они обеспокоены, что кому-то может не нравиться тот порядок, который они создали, и предлагают свои решения проблемы, но такие примитивные! Однажды я делала интервью с Ингваром Карлссоном, тогда он уже стал премьер-министром. Я спросила его, как быть с молодежью, которая оказалась вне общества, не принимает его ценностей? Он ответил, что нужно увлечь такую молодежь чем-нибудь интересным, например, занятиями спортом.

Я сама не знаю, какой выход, не знаю, есть ли он...»

Конечно, Карин говорит о меньшинстве шведской молодежи. Ну а те, кто полностью принял ценности общества? Какие они? Помню, меня поразил такой факт, обнаружившийся в ходе поисков убийцы Улофа Пальме: из 150 тысяч версий и доносов, полученных полицией, 25 с половиной тысяч поступило от шведских детей и подростков, обвинявших в причастности к убийству своих родителей, 9750 — от родителей, подозревавших своих детей. Что это?

Ира и Лена обаятельно улыбаются, приглашают всех на кухню, Карин и Алеша получают по тарелке супа, а я — чашку кофе. Карин предлагает продолжать разговор: у нее совсем не осталось времени. Лениво повозив ложкой («Из всей зелени именно вот эту траву я не ем»,— говорит она мне по секрету, глядя в бульон с зелеными листиками), она рассказывает об одной из тем своих репортажей — наркомании. Принято считать, что этой проблемы нет, так как государство надежно контролирует ситуацию. Карин объясняет, каким образом.

«В юности редкий человек удержится, чтобы не попробовать наркотики. Но если его застукают, его будут опекать долгие годы. Один мой знакомый еще мальчишкой попробовал марихуану, а потом три года его вызывали в участок и допрашивали, брали анализы, хотя он давно уже бросил наркотики. В одном городке, где я делала репортаж, ребята рассказывали, как учителя, коммунальные власти и полиция (во многих городах существуют специальные полицейские управления по делам молодежи) объединились в поиске наркоманов. Наркоманом считается каждый, кто хоть раз попробовал наркотики. Они составили список подозреваемых и установили за ними слежку, прячась в кустах, фотографировали их, когда те в компаниях дурачились где-нибудь в парке. Потом вызывали в участок всех, кто попадал на снимки, и допрашивали. А ведь такие действия противозаконны».

Самый святой закон в Швеции — безопасность для благополучия и спокойствия общества. Ради этого считается возможным пренебречь некоторыми свободами. Например, шведское законодательство запрещает регистрацию граждан по их политическим взглядам, но Полиция безопасности (СЕПО) все-таки выявляет неблагонадежных, составляет их списки (в свое время в такой список угодил даже Улоф Пальме за свои выступления против войны во Вьетнаме). Ежегодная негласная проверка 150 тысяч служащих государственных учреждений лишает работы или возможности продвижения по службе до ста человек. Будь Карин государственным служащим, думаю я, попала бы она в список?

Но вот самая страшная проблема, по мнению Карин: «Очень много молодых людей в растерянности, они потеряли ориентиры в жизни, очень много самоубийств». Каждую неделю пять-шесть молодых шведов кончают жизнь самоубийством. Обсуждать эту тему тоже не принято. Официальная статистика занижена более чем наполовину.

В своей автобиографии Ингмар Бергман написал такую фразу: «Дилетантизм, чувство долга и грубость трудились рука об руку. Это необходимо понять. Это очень по-шведски». Когда я ее прочел, она показалась мне неправдоподобной, я и сейчас думаю, что сказано слишком резко, но, разговаривая с Карин, я начинаю понимать, что имел в виду великий шведский кинорежиссер. В свое время его подвергли унижению, несправедливо обвинив в неуплате налогов, увели прямо со съемочной площадки.

«Мне часто говорят, даже коллеги-журналисты; зачем ты в это лезешь? Но кто же, кроме журналиста, поможет тем, кто оказался вне общества, быть услышанными. Ненавижу пресс-конференции! Наша журналистика все больше превращается в средство по предоставлению микрофонов политикам, которые говорят ля-ля-ля...

Социал-демократы постоянно борются — если это можно назвать борьбой — за то, чтобы у рабочих были хорошие автомобили, хорошие квартиры и дома... Это общество слишком-слишком материалистично». Она говорит о навязчивом желании государства решать за людей все их проблемы, опекать их как малых детей. «Мы делаем, как положено, и не иначе, как солдаты. Мы пришли к тому, что в Швеции почти не осталось шведской культуры: чужая музыка, чужие фильмы, чужой язык. Мы американизируемся. Без своей культуры нет духовной свободы. Общество превращается в механизм. А я считаю, люди должны быть более раскрепощенными, мечтать, пусть даже мечты неосуществимы в ближайшем будущем...»

ДАЛЕКО от ВИЗАНТИИ

Иосиф БРОДСКИЙ,
лауреат Нобелевской премии

В начале была тушенка. Точнее, вначале была война, вторая мировая война, блокада моего родного Ленинграда, Великий голод, унесший больше жизней, чем все снаряды, бомбы и пули, вместе взятые. А под конец блокады была тушенка в консервных банках из Америки. «Свифт» — так, кажется, она называлась, но я могу ошибаться: мне было всего четыре года, когда я попробовал ее в первый раз.

Это было, вероятно, наше первое мясо за долгое время. Однако его вкус запомнился куда меньше, чем вид тех самых банок. Большие, прямоугольные, с ключом, прикрепленным на боку, они были воплощением каких-то неведомых принципов механики и совершенно неведомых ощущений. Тот ключ, что, открывая банку, наматывал тонкую металлическую полоску, был для русского ребенка открытием: мы знали лишь консервные ножи. Наша страна держалась на гвоздях, молотках, гайках и болтах, и так должно было быть бо́льшую часть нашей жизни. Поэтому в ту пору никто не мог мне объяснить, как же такая банка делается. Даже сегодня мне это не вполне понятно. А в то время я завороженно смотрел, как мать открепляла ключ, подковыривала маленький язычок, который вставлялся в дырочку в ключе, а потом поворачивала ключ еще и еще, и мое изумление было безмерным.

Но и после исчезновения их содержимого эти большие банки с округлыми (как экран в кино) углами, темно-красные или коричневые, с иностранными буквами на боках продолжали жить во многих семьях — на этажерках, отчасти как украшения, отчасти как удобные емкости для карандашей, отверток, фотопленок, гвоздей и т. д. Часто они заменяли вазы для цветов.

Больше мы ту тушенку не видели. С годами пустые банки из-под нее стали цениться особо, во всяком случае в наших школьных обменах они были на вес золота. За такую банку можно было получить немецкий штык, матросский ремень, лупу. У них были острые края, и мы вечно ходили с порезанными пальцами. Как бы там ни было, к третьему классу я был гордым обладателем двух таких банок.

Если кто-то когда-нибудь и извлекал для себя пользу из войны, так это мы, ее дети. Кроме того, что мы ее пережили, мы в изобилии получили пищу для нашего романтического воображения. Помимо обычного детского ра-



циона — Дюма и Жюля Верна, в нашем распоряжении был целый арсенал всяких военных штуковин, которые всегда нравятся мальчишкам. Нам они нравились тем более, что в войне победила наша страна.

Довольно любопытно, что тем не менее самое сильное впечатление на нас производило военное снаряжение противника, а не победившей Красной Армии. С языка не сходили названия немецких самолетов «юнкерс», «штука», «мессершмитт», «фокке-вульф», автоматов «шмайсер», танков «тигр», питания «эрзац», пушек производства семейства Круппов и бомб, сделанных с любезной помощью «ИГ Фарбен». Детское ухо неизменно чувствительно к непривычным иностранным созвучиям. Я думаю, именно эта завороженность слуха больше, чем реальное чувство опасности, притягивало наши языки и умы к этим словам. Несмотря на то, что у нас были все основания ненавидеть фашистов, несмотря на всю направленную на это пропаганду, мы звали их чаще «фрицы», чем «фашисты» или «гитлеровцы». Без сомнений, потому, что, к счастью, видели их не иначе, как военнопленными.

Точно так же, единственным местом, где нам представился случай видеть вблизи немецкую технику, были музеи войны, во множестве появившиеся в конце сороковых. Сходить в такой музей для нас было бо́льшей радостью, чем поход в цирк или в кино, особенно если вели нас туда наши демобилизованные отцы (я говорю о тех из нас, у кого отцы были). Странно, но делали они это неохотно, хотя отвечали на наши вопросы о дальнобойности того или иного немецкого пулемета или какой заряд у той или иной бомбы очень подробно. Их настороженность была вызвана не стремлением уберечь наше чувствительное воображение от ужасов войны или себя самих — от воспоминаний о погибших друзьях и от чувства вины за то, что они остались живы. Нет, просто они догадывались о праздности нашего любопытства и не одобряли его.

Каждый из них — я говорю о наших живых отцах — обязательно хранил дома какой-нибудь военный трофей. Это мог быть бинокль (Цейс!), фуражка командира немецкой подлодки с соответствующей кокардой, инкрустированный перламутром аккордеон, массивный серебряный портсигар, граммофон или фотоаппарат. Когда мне исполнилось двенадцать лет, мой отец, к моей величайшей радости, показал мне свой коротковолновый радиоприемник. Приемник назывался «филипс» и мог ловить передачи со всего мира, от Копенгагена до Сурабайи. Во всяком случае, на его желтой шкале настройки эти города были обозначены.

Этот «филипс», по меркам того времени, был переносным приемником, размером сантиметров двадцать пять на тридцать пять, из темно-коричневого бакелита с желтой, как я уже сказал, шкалой и зеленым, совершенно гипнотизирующим глазом, показывающим качество приема. Всего в нем было, если я не ошибаюсь, шесть ламп, и шестидесятисантиметровый кусок проволоки мог заменить антенну. Если бы не одна тонкость. Укреплять эту антенну нужно было за окном, и ясно, что, заметь ее, подумала бы милиция. Попытаться подключиться к общей антенне на крыше дома без помощи специалиста было невозможно, тот обязательно обратил бы внимание на ваш аппарат (видимо, автор запамятовал, общих радиоантенн в те времена еще не было, а трофейные приемники продавались в комиссионных магазинах.— *Прим. пер.*). Мы были не те люди, у кого дома мог быть иностранный радиоприемник, вот и все. Единственный выход был провести антенну самому под потолком в своей комнате, что я и сделал. Понятно, что таким способом нельзя было слушать «Радио Братиславы», ни тем более Дели. Я, правда, и не знал ни словацкого, ни хинди. Что же касается передач Би-би-си, «Голоса Америки» или «Свободной Европы» на русском, то их все равно глушили. Тем не менее можно было поймать передачи на английском, немецком, польском, венгерском, французском, шведском, которые я тоже не знал, но был еще «Тайм фор Джаз» «Голоса Америки» с самым величественным в мире басом-баритоном Вилли Коновера, его ведущего.

Тому «филипсу», коричневому и блестящему, как старый ботинок, я обязан первыми убогими познаниями в английском и своим проникновением в пантеон джаза. В двенадцать лет привычные нам немецкие имена понемногу уступили место именам Луи Армстронга, Дюка Эллингтона, Эллы Фицджеральд, Клиффа Брауна, Сиднея Беше, Джанго Рейнхардта, Чарли Паркера. Даже походка, помню, у нас изменилась: неизменно скованные движения наших русских позвоночников стали более податливы к «свингу». Я был, понятно, не единственным из моего поколения, кто с пользой употребил шестьдесят сантиметров обыкновенной проволоки.

Через шесть отверстий, симметрично расположенных на задней стенке приемника, в неярком красноватом свечении и мерцании ламп, в сплетении контактов, сопротивлений и катодов, столь же непонятных, как и языки, которые они порождали, мне казалось, я видел Европу. Там, внутри, был как будто город в ночи с неонами повсюду. И когда в тридцать два года я прилетел в Вену, у меня мгновенно возникло чувство, что некоторым образом мне эти места знакомы. Во всяком случае, у меня было отчетливое ощущение, что чья-то невидимая рука выключила меня там, далеко-далеко, в России.

Это был крепкий аппарат. Когда отец, однажды выйдя из себя оттого, что я без передышки крутил ручку настройки, перескакивая с одной волны на другую, швырнул его на пол, коробка у него развалилась, но он продолжал работать. Поскольку я не мог позволить себе доверить ремонт мастеру, я постарался худо-бедно зачинить трещину, похожую на линию Одер — Нейсе, с помощью клея и резинок. Но с той поры приемник стал существовать в виде двух довольно приблизительно скрепленных половин. Конец ему наступил, когда сели лампы, хотя пару раз мне потом удавалось раздобыть новые с помощью многочисленных друзей и приятелей. Но и тогда, превратившись в безмолвный ящик, он оставался у нас в семье до тех пор, пока существовала сама семья. В конце шестидесятых все стали покупать латвийскую «Спидолу», которая была с выдвижной антенной и на всевозможных транзисторах. Теоретически звучание у «Спидолы» было лучше, и она была более «переносной». Тем не менее в мастерской однажды я увидел ее без задней стенки. Лучшее, что я могу сказать о том, как выглядело нутро,— это то, что оно было похоже на географическую карту.

Но самыми дорогими военными трофеями были, конечно, фильмы. Их было много и большей частью довоенного голливудского производства с участием (как удалось выяснить два десятилетия спустя) Эррола Флинна, Оливии де Хэвиланд, Тайрона Пауэра, Джонни Вейсмюллера и других. Большинство фильмов были про пиратов, про Елизавету I, кардинала Ришелье и т. п. Ничего общего с реальностью. Ближе всего к нашей эпохе был «Мост Ватерлоо» с Робертом Тейлором и Вивиан Ли.

Поскольку правительство было не очень настроено на то, чтобы платить за авторские права, то, где были сняты эти фильмы, а также, как правило, кто и кого в них играет, не указывалось. Показ начинался следующим образом. Гас свет, и на экране белым по черному возникала такая надпись: «Этот фильм был захвачен в качестве военного трофея во время Великой Отечественной войны». Подрагивая, она держалась на экране с минуту, затем начинался фильм. Появлялась рука, держащая свечу, и высвечивала пергамент, на котором вязью по-русски было написано «Королевские флибустьеры», или «Остров страданий», или «Робин Гуд». Иногда следовало краткое пояснение, в какие годы и где происходит действие, тоже по-русски, но часто буквы были на манер готических. Безусловно, это было воровство, но нам, сидящим в зале, до этого не было никакого дела. Мы были слишком поглощены чтением подписей и тем, как разворачивались на экране события.

Может быть, это было даже хорошо. Отсутствие титров придавало тем

на стр. 19 ▶


FRANK ZAPPA

J

«JESUS CHRIST SUPERSTAR». («Джизес Крайст Суперстар»), «Иисус Христос — суперзвезда», рок-опера, записана в 1970 г. Музыка — Эндрю Ллойд Уэббер, либретто — Тим Райс (оба — Великобритания).

Исполнители вокальных партий: Иисус Христос — Иэн Гиллан; Иуда Искариот — Мюррей Хэд; Мария Магдалина — Ивонн Эллимен; Жрец — Пол Рейвен (см. Гарри Глиттер, «РЭР», № 4/89); Каифа, первосвященник Иуден — Виктор Брокс; Анна — Брайан Кейт; Симон Зилот — Джон Густафсон; Понтий Пилат — Барри Деннен; Девушка у костра — Аннетт Брокс; Петр — Пол Дэвис; Царь Ирод — Майк Д'Эбо.

Другие вокалисты (ученики, жрецы, римские воины, купцы и т. д.): Пэт Арнолд, Тони Эштон, Питер Барнфитер, Меделайн Белл, Брайан Беннетт, Лесли Дункан, Кей Гарнер, Барбара Кей, Нейл Ланкастер, Алан О'Даффи, Тим Райсет, Сифилд Сент-Джордж, Терри Сондерс, Эндрю Ллойд Уэббер.

Музыканты: Брюс Роулэнд, уд.; Алан Спеннер, бас; Генри Маккалоч, гит.; Нейл Хаббард, гит.; Питер Робинсон, клав.; Крис Мерсер, сакс.; Норман Кейв, клав.; Карл Дженкинс, клав.; Эндрю Ллойд Уэббер, клав.; Мик Уивер, клав.; Джон Маршалл, уд.; Крис Спеддинг, гит.; Стив Вон, гит.; Луис Стюарт, гит.; Клайв Хикс, гит.; Питер Морган, бас; Алан Уэйхолл, бас; Джефф Клайн, бас; Алан Доггетт, клав.; Джозеф Кастальдини, фагот; Энтони Брук, фагот; Иэн Херберт, кларнет; Брайан Уоррен, флейта; Крис Тейлор, флейта; Билл Лесидж, уд.; Джон Бердон, валторна; Джеймс Браун, валторна; Дуглас Мур, валторна; Эндрю Магавин, валторна; Джим Бак, валторна; Лес Кондон, труба; Иэн Хармер, труба; Кенни Уилер, труба; Харолд Беккетт, труба; Кейт Кристи, тромбон; Фрэнк Джонс, тромбон; Энтони Мур, тромбон.

Лондонский симфонический оркестр под управлением Алана Доггетта и Лондонский струнный оркестр под управлением Малколма Хендерсона.

Главный звукооператор Алан М. О'Даффи, менеджмент Дон Норман, продюсеры Тим Райс и Эндрю Ллойд Уэббер.

«И. Х.-с.» оказалась первой успешной попыткой соединения рока и классической музыки, ни до этой оперы, ни после нее ни одному композитору, включая самого Уэббера, не удалось создать более масштабное и музыкально совершенное произведение, органично соединившее в своей структуре рок и европейскую музыкальную классику.

Сюжетно рок-опера повествует о семи последних днях Иисуса Христа, причем не менее выпуклой фигурой здесь предстает Иуда, ставший, по замыслу авторов, олицетворением истэблишмента, против которого и была направлена деятельность Христа.

Премьера оперы состоялась в 1970 г. в Лондоне, и успех произведения превзошел все ожидания; к удивлению многих, церковь встретила «И. Х.-с.» доброжелательно. В том же году был выпущен двойной альб. с записью рок-оперы. Феноменальный успех «И. Х.-с.» во многом объясняется удачным подбором исполнителей и музыкантов; к концу 1971 г. пл. уже была реализована в 2 млн. экземпляров, осенью 1971 г. состоялась постановка рок-оперы на Бродвее, затем была сделана не очень удачная экранизация. К середине 70-х гг. аналогичные постановки были осуществлены практически во всех европ. странах.

«JETHRO TULL», группа «Джетро Талл» (Джетро Талл — английский ученый-аграрник XVIII века) образовалась в 1968 г. в Великобритании.

Исходный состав: Иэн Андерсон, вок., флейта, гит.; Мик Эйбрехэмс, гит.; Гленн Корник, бас; Клайв Банкер, уд.

Иэн Андерсон начал свою музыкальную карьеру в Блэкпуле, в начале 1966 г. присоединился к местной группе «John Evan Band», которая зимой 1967 г. перебралась в Лондон. Музыканты пытались добиться успеха в клубах, но безрезультатно — группа распалась. К Андерсону и Корнику присоединились Эйбрехэмс и Банкер, так возник «Дж. Т.». Эксцентричный вокал Андерсона и ориентация на блюз привлекли к группе внимание, и к середине 1968 г. «Дж. Т.» стали называть «новый «Крим» — летом того же года «Дж. Т.» выступили на фестивале джаза и блюза в Санбери, записали свой первый альб., который к осени уже был в верхней части англ. хит-парадов; по итогам 1969 г. англ. еженедельник «Мелоди мейкер» назвал «Дж. Т.» второй группой Англии — их опередили «Битлз», но позади остались «Роллинг стоунз». (Дебютный сингл группы, «Aeroplane»/«Sunshine Day» был выпущен под неправильно напечатанным названием «Jethro Toe» и сейчас является фонографической редкостью.)

После записи первой пл. группу покинул Эйбрехэмс (он организовал свой собственный проект под названием «Blodwyn Pig», позже переименованный в «Mick Abrahams Band»), и некоторое время его заменял Тони Йомми из «Блэк сэббет». Американское турне «Дж. Т.» совпало с выпуском второго альб. «Stand Up», над записью которого работал новый гитарист Мартин Барр,— гастроли прошли успешно, и в США «Дж. Т.» с тех пор стала своего рода «культовой группой». В это время в музыке квартета происходят заметные изменения: на традиционном блюзовом фоне появляются элементы арт-рока, джаза, а флейта Андерсона становится «фирменным знаком» «Дж. Т.».

Третий диск «Benefit» получает «золото», а группа выступает на стадионах, где присутствуют не менее 20 тыс. зрителей. Следующий альб.— «Aqualung», 1971, стал первым в ряду концептуальных работ, к которым тяготеет эта группа: здесь Андерсон, основной композитор и поэт «Дж. Т.», попытался определить свое отношение к религии (на сегодняшний день реализовано более 10 млн. экземпляров, считается самым популярным альб. «Дж. Т.»).

Следующая концептуальная работа группы — альб. «Thick As A Brick» (1972) — представляет собой одну композицию, записанную с двух сторон диска; здесь Андерсон сделал попытку «опротестовать саму Жизнь», по крайней мере так он сам определил тему этой мощной рок-сюиты. Пл. заняла первое место в США. Такой же успех сопутствовал и следующему альб.— «A Passion Play».

К концу 70-х «Дж. Т.» уже подошли в статусе супергруппы: отдельные пластинки получали разгромные рецензии (например, альб. «Songs From The Wood»), но каждую новую работу с нетерпением ждали поклонники, и даже явные неудачи группы в 80-е гг., связанные с излишней «заоркестрованностью» композиций и введением в их структуру элементов «новой волны», уже не могли повлиять на популярность «Дж. Т.». (К разряду курьезов можно отнести тот факт, что по итогам 1988 года «Дж. Т.» получили премию «Грэмми» в категории... «исполнителей «металла»; учитывая этот факт, оргкомитет «Грэмми» принял решение в будущем разделить хард-рок и хэви метал.)

Пл.: This Was Jethro Tull, **1968;** Stand Up, **1969;** Benefit, **1970;** Aqualung, **1971;** Life Is A Long Song, **1971 (EP);** Living In The Past, **1972 (сборник);** Thick As A Brick, **1972;** A Passion Play, **1973;** War Child, **1974;** Minstrel In The Gallery, **1975;** Too Old To Rock'N'Roll, Too Young To Die, **1976;** M. U. The Best Of Jethro Tull, **1976 (сборник);** Ring Out Solstice Bells, **1976 (EP);** Songs From The Wood, **1977;** Repeat: The Best Of lethro Tull: Volume 2, **1977 (сборник);**

РЭР вне очереди

RATT

Когда в 1985 году американская группа «Ratt» («Рэтт» — сознательно неправильное написание или так называемый «мисспелл», ставший с легкой руки «Битлз» хорошим тоном в роке,— слова «крыса») выпустила диск «Вторжение в частную жизнь», стало ясно, что в команду мелодичного хард-рока, возглавляемую «Бон Джови», пришло солидное пополнение. Дебютный альбом «Рэтт» («Из подвала», 1984) тоже неплохо покупался, но «Вторжение...» стало бестселлером. Однако парадокс заключался в том, что когда американские звезды прибыли с гастролями в Англию, британская публика отнеслась к ним более чем равнодушно, обосновав свою реакцию заявлением: «Что против нашего Оззи все ваши американские знаменитости...». Далее следовало весьма конкретное перечисление недостатков, которыми с точки зрения снобов-англичан страдают американские исполнители. Трудно сказать, повлияла ли «дружеская критика» на «Рэтт», но их последний диск «Устремленный в небо», 1988, Альбион принял доброжелательно, не преминув заметить, что «рок вообще-то родился в Англии». С этим трудно не согласиться.

Heavy Horses, **1978**; Live — Bursting Out, **1978 (2LP — Live)**; Stormwatch, **1979; A, 1980**; The Broadsword And The Beast, **1982**; Under Wraps, **1984**; Original Masters, **1985 (сборник)**; Crest Of A Knave, **1987; 20** Years Of Jethro Tull, **1988 (5LP — сборник)**; Rock Island, **1989.**

Изменения состава: 1968 — Мик Эйбрехэмс, +Мартин Барр, гит.; 1970 +Джон Эван, клав.; 1971 — Корник, +Джеффри Хэммонд-Хэммонд, бас, — Банкер, +Барримор Барлоу, уд.; 1976 — Хэммонд-Хэммонд, +Джон Гласкок, бас, +Дэвид Палмер, клав.; 1978 — Гласкок, +Тони Уилльямс, бас; 1979 — Уилльямс, — Барлоу, +Эдди Джобсон, клав., скрипка, +Дэйв Пегг, бас, +Марк Крейни, уд.; 1981 — Джобсон, — Крейни; 1982 +Питер Виттес, клав., +Дэйн Перри, уд.; 1987 — Виттес, +Мартин Оллкок, клав.

Иэн Андерсон соло: Walk Into Light, **1983.**

Мик Эйбрехэмс (с группой «Blodwyn Pig»**):** Ahead Rings Out, **1969**; Getting To This, **1970; (с группой** «Mick Abrahams Band»**):** Mick Abrahams, **1971**; At Last, **1972**; Learning Guitar With Mick Abrahams, **1975.**

«JOAN JETT AND THE BLACKHEARTS» **(«Джоан Джетт энд зе блэкхартс»), группа «Джоан Джетт и злодеи» образовалась в 1979 г. в США.**

Состав: Джоан Джетт, гит., вок.; Эрик Эймбл, гит.; Ли Кристал, уд.; Гэри Райан, бас.

На творчество Дж. Дж. большое влияние оказали «Блэк сэббет», а также «тяжелая сторона» музыки «Ти Рекс». В 1975 г. она увидела выступление Сюзи Куатро, и это подтолкнуло Дж. Дж. на создание аналогичной «женской» группы «Runaways» **— несмотря на многообещающее начало, «Ранэуэйз» остались всего лишь «милыми девочками в роке», и в канун 1979 г. группа распалась.**

В 1979 г. Дж. Дж. уехала в Англию, где вместе с бывшими музыкантами «Секс пистолз» Полом Куком и Стивом Джонсом записала три сингла, два из которых имели некоторый успех в Нидерландах. Потом она вернулась в США, продюсировала панк-группу «Germs»**, снялась в фильме** «We're All Crazy Now» **(по названию песни «Слейд») и, подобрав музыкантов, принялась за запись дебютного альб., который появился в 1980 г. Пл.** «Joan Jett» **была выпущена только в Европе, и в 1982 г. для реализации на американском рынке ее переиздали под названием** «Bad Reputation»**.**

В декабре 1981 г. Дж. Дж. записала второй диск, оказавшийся более успешным, а ужесточившийся саунд позволил классифицировать музыку Дж. Дж. как «поп-металл» (композиция «I Love Rock'N'Roll» **стала первой в США и заняла 4-е место в хит-параде Англии, 1982). В дальнейшем Дж. Дж. сумела избавиться от чрезмерной «коммерциализации» звучания и сейчас считается одной из ведущих женщин-исполнительниц хард-энд-хэви.**

RATT



Пл.: Joan Jett, **1980 (в 1982 г. переиздана под названием** Bad Reputation**)**; I Love Rock'N'Roll, **1981**; Album, **1983**; Glorious Results Of a Misspent Youth, **1984**; Good Music, **1987**; Up Your Alley, **1988.**

JOEL, BILLY. **Билли Джоел, амер. певец, пианист, композитор, продюсер. Род. 9 мая 1949 г., Нью-Йорк.**

Начал проявлять интерес к фортепиано в четырехлетнем возрасте; в 1974 г. создал свою первую группу «The Echoes»**, позже сменившую название на** «Lost Souls»**. В 60-е гг. Б. Дж. также входил в состав таких групп, как** «The Hassles» **и** «Attila»**.**

В 1971 г. как сольный исполнитель Б. Дж. записал «демо» (демонстрационная запись), которая обеспечила ему контракт с фирмой «Фэмили продакшнз» — в 1972 г. был выпущен дебютный альб., получивший неплохие рецензии. Однако финансовые проблемы вынудили исполнителя переехать в Калифорнию, где он выступал в барах и отелях под псевдонимом Билл Мартин.

Вскоре Б. Дж. подписал контракт с фирмой «Каламбия рекордз», и вплоть до 1976 г. его пл. пользовались умеренной популярностью. Настоящий успех пришел спустя год, когда Б. Дж. записал альб. «The Stranger»**: пл. имела большой успех и стала бестселлером фирмы, затмив по реализации признанный хит 70-х, «мультиплатиновый» диск Саймона и Гарфанкела** «Bridge Over Troubled Water»**, а композиция** «Just The Way You Are» **прочно вошла в репертуар самых разных исполнителей.**

С того периода Б. Дж. удачно сочетает в своих работах изящные баллады и жесткий, ритмически энергичный материал. Не обладая ярко выраженным артистическим имиджем, Б. Дж. тем не менее привлекает как любителей «чистой» эстрады, так и поклонников «рокового» звучания (в 1987 г. Б. Дж. выступал с концертами в СССР; также большой популярностью пользуются мастерски сделанные видеоклипы этого исполнителя).

Пл. (с группой «The Hassles»**):** Hassles, **1968**; Hour Of The Wolf, **1969; (с группой** «Attila»**):** Attila, **1970.**

(соло): Cold Spring Harbour, **1972**; Piano Man, **1973**; Street Life Serenade, **1975**; Turnstiles, **1976**; The Stranger, **1977; 52**nd Street, **1978**; Glass Houses, **1980**; Songs In The Attic, **1981**; The Nylon Curtain, **1982**; An Innocent Man, **1983**; Greatest Hits, Volume I and Volume **2, 1985 (2LP — сборник)**; The Bridge, **1986**; Live in Leningrad, **1987 (2LP — Live; часть тиража вышла под названием** Kohuept**)**; Storm Front. **1989.**

«JO JO GUNNE»**, группа «Джо Джо Ганни» образовалась в 1971 г. в США.**

Исходный состав: Джей Фергюсон — вок., клав.; Марк Эндис — бас; Мэтт Эндис — гит.; Керли Смит — уд.

Джей Фергюсон и Марк Эндис с 1968 по 1971 г. входили в состав известной группы «Spirit»**, в январе 1971 г. они покинули гр., и, пригласив брата Марка, Мэтта Эндиса, и Керли Смита, создали новую гр., назвав ее по песне Чака Берри** «Jo Jo Gunne»**. В отличие от** «Spirit»**, тяготевших к джазовой стилистике, «Дж. Дж. Г.» предложили достаточно прямолинейный вариант хард-рока с рок-н-ролльной структурой и элементами буги. Дебютный сингл** «Run Run Run»**, выпущенный в начале 1972 г., занял 27-е место в национальном хит-параде (в том же 1972 г. композиция была включена в первый альбом группы, занявший в хит-параде 57-е место). Вскоре Марк Эндис начал сольную карьеру, и основным композитором стал Джей Фергюсон — вместо Марка Эндиса в составе появился гитарист Джимми Рэндолл.**

В 1973 г. «Дж. Дж. Г.» записали еще два альбома, интерес к которым проявили лишь страстные любители хард-рока: к сожалению, творчество этой группы получило признание только после того, как она распалась.

В том же 1973 г. из состава вышел и Мэтт Эндис — сначала его заменил Стар Доналдсон, затем Джон Стели. В новом составе гр. записала альб. «So... Where's The Show» **(1974), который оказался последним.**

Джей Фергюсон приступил к сольной работе, братья Эндис в 1976 г. присоединились к очередному возрожденному «Spirit»**, Керли Смит помогал в записях своему бывшему коллеге Фергюсону, вместе с ним работал над пластинками Рэнди Калифорнии, совместно с Фергюсоном и Стели записывался на альбоме барабанщика** «The Who» **Кейта Муна. В 1977 г. Смита пригласил известный английский музыкант Иэн Хантер, с которым Смит записал один диск, в 1980 г. он работал в группе Родерика Тейлора.**

Джон Стели работал в группе, которой руководил Регги Найтон.

Изменения состава: 1972 — Марк Эндис, +Джимми Рэндолл, гит.; 1973 — Мэтт Эндис, +Стар Доналдсон, гит.; — Стар Доналдсон + Джон Стели, гит.

Пл.: Jo Jo Gunne, **1972**; Bite Down Hard, **1973**; Jumpin' The Gunne, **1973**; So... Where's The Show, **1974.**

Джей Фергюсон соло: All Alone In The End Zone, **1976**; Thunder Island, **1977**; Real Life Ain't This Way, **1979**; Terms And Conditions, **1980**; White Noise. **1982.**

со стр. 15 ▼

ДАЛЕКО ОТ ВИЗАНТИИ

фильмам анонимность фольклора и некую универсальность. Их власть над нами была куда более сильной, чем влияние пришедших потом неореалистов и «новой волны». Отсутствие всяких связей со временем делало их подлинными символами эпохи: начала пятидесятых, последних лет правления Сталина. Одна серия «тарзанов», может быть, сделала для десталинизации больше, чем все речи Хрущева.

Нужно учитывать наши широты и зажатый, скованный, заторможенный и почти заледеневший характер наших норм поведения в обществе и в жизни, чтобы в полной мере оценить, сколь сильным ударом для нас было видеть одинокого искателя приключений, полуголого, с длинными волосами, в компании со своим Санчо Пансо в облике шимпанзе, разыскивающего светловолосую девушку в гуще тропического леса и пользующегося лианами как средством передвижения. Прибавьте к этому пейзаж Нью-Йорка (в последней порции серий, показанных в Советском Союзе) с Тарзаном, прыгающим с высоты Бруклинского моста, и становится ясно — почти целое поколение решило выйти за рамки тех норм.

Первое, что исчезло, были, естественно, короткие волосы. Мы все мгновенно принялись носить длинные. Потом сразу появились брюки-дудочки. Ах, сколько мы из-за них натерпелись, каких ухищрений, какого труда стоило нам уговорить наших матерей, сестер, теток сделать из наших широченных послевоенных брюк неизменного черного драпа — прямые, предшественники еще неизвестных нам «левис»! Но мы были неумолимы, так же, как и наши гонители: учителя, милиция, родители, соседи, которые выгоняли нас из школы, забирали на улице, высмеивали, по-всякому обзывали. Вот почему тот, кто был подростком в пятидесятых или шестидесятых, сегодня отчаивается купить себе брюки: сколько смешных мешков, потраченной даром ткани!

Было, конечно, и нечто более глубокое в этих фильмах-трофеях: та их сторона, где «один против всех», совершенно чуждая коллективистскому состоянию духа общества, в котором мы выросли. Может быть, именно пропорционально тому, насколько все эти «Пираты морей» и «Зорро» были далеки от нашей действительности, они и оказывали на нас влияние, противоположное тому, которое ждали. Они доставались нам в награду, как развлечение и как сказки, и мы принимали их как притчи об индивидуализме. То, что нормальный зритель смотрел как костюмированную в духе Возрождения драму, мы воспринимали как историческое доказательство победы индивидуализма.

Фильм, который показывает людей на фоне природы, всегда имеет документальную ценность. Тем более, если речь идет о фильме черно-белом, похожем на страничку с отпечатанным текстом. Учитывая замкнутость, а вернее — герметическую закрытость нашего общества, мы получали таким образом скорее информацию, чем развлечения. С какой жадностью мы вглядывались в башни и крепости, своды и водяные рвы, решетки и залы, которые возникали на экране! Ибо видели мы их впервые в жизни. И потому, что мы принимали все эти декорации из папье-маше, весь этот картонный Голливуд за чистую монету, наше восприятие Европы, Запада, если хотите, истории оставалось связанным с этими образами. Настолько, что те из нас, кто потом попал в колеса нашей судебной машины, часто скрашивал свое бытие, пересказывая — и для охранников, и для товарищей по бараку, которые не видели этих фильмов-трофеев, сюжеты и запомнившиеся подробности из жизни этого Запада.

Я предполагаю, что мое поколение было самым внимательным зрителем из тех, на кого работали все эти довоенные и послевоенные фабрики грез. Некоторые из нас стали завзятыми поклонниками кино, но, естественно, совсем по иным причинам, нежели их западные коллеги. Напрочь забывая про сюжет, мы силились увидеть в каждом кадре детали — улицу или квартиру, приборный щиток в машине героя, одежду героини, ландшафт и архитектуру мест, где происходило действие. Некоторые из нас стали экспертами в искусстве определять, где именно был снят фильм, иной раз мы могли отличить Геную от Неаполя, или, во всяком случае, Рим от Парижа всего по двум-трем городским пейзажам. Вооружившись планами городов, мы спорили до хрипоты над тем, где живет героиня Жанны Моро в таком-то фильме или герой Жана Марэ — в другом.

Но это было потом, в конце шестидесятых. А еще позже наш интерес к кино стал падать. Одновременно мы становились запойными читателями, подписчиками «Иностранки» и все реже и реже по собственной охоте ходили в кино: для нас отныне было ясно, что знать место, где ты никогда не будешь жить, не представляет никакого интереса...

Однажды, мне было тогда лет пятнадцать-шестнадцать, я сидел во дворе большого дома и заколачивал гвозди в крышку ящика с геологическими инструментами, которые отправляли на Дальний Восток, куда я должен был ехать вместе с ними, чтобы встретиться там со своей бригадой. Начинался май, было жарко, я потел и смертельно скучал. Вдруг из открытого окна на последнем этаже донеслось «A-tisket, a-tasket», и это был голос Эллы Фицджеральд.

Я знал эту песню благодаря моему приемнику и еще потому, что в пятидесятых годах всякий юный горожанин имел свою собственную коллекцию «скелетной музыки». «Скелетной музыкой» назывались рентгеновские снимки, на которых кустарным способом были записаны обрывки джаза. Техника записи превосходила мои возможности ее понять, но нужно полагать, что она не была очень сложной, поскольку «кости» появлялись регулярно и по разумной цене. Продавалась эта до некоторой степени патология (а говорят о веке атома!) точно так же, как и рисунки сепией, изображающие звезд западного кино, в парках, общественных туалетах, на барахолках, в модных в то время «коктейль-холлах», где можно было, сидя на высоком табурете, тянуть через «соломинку» «милк-шейк», воображая, что ты на Западе.

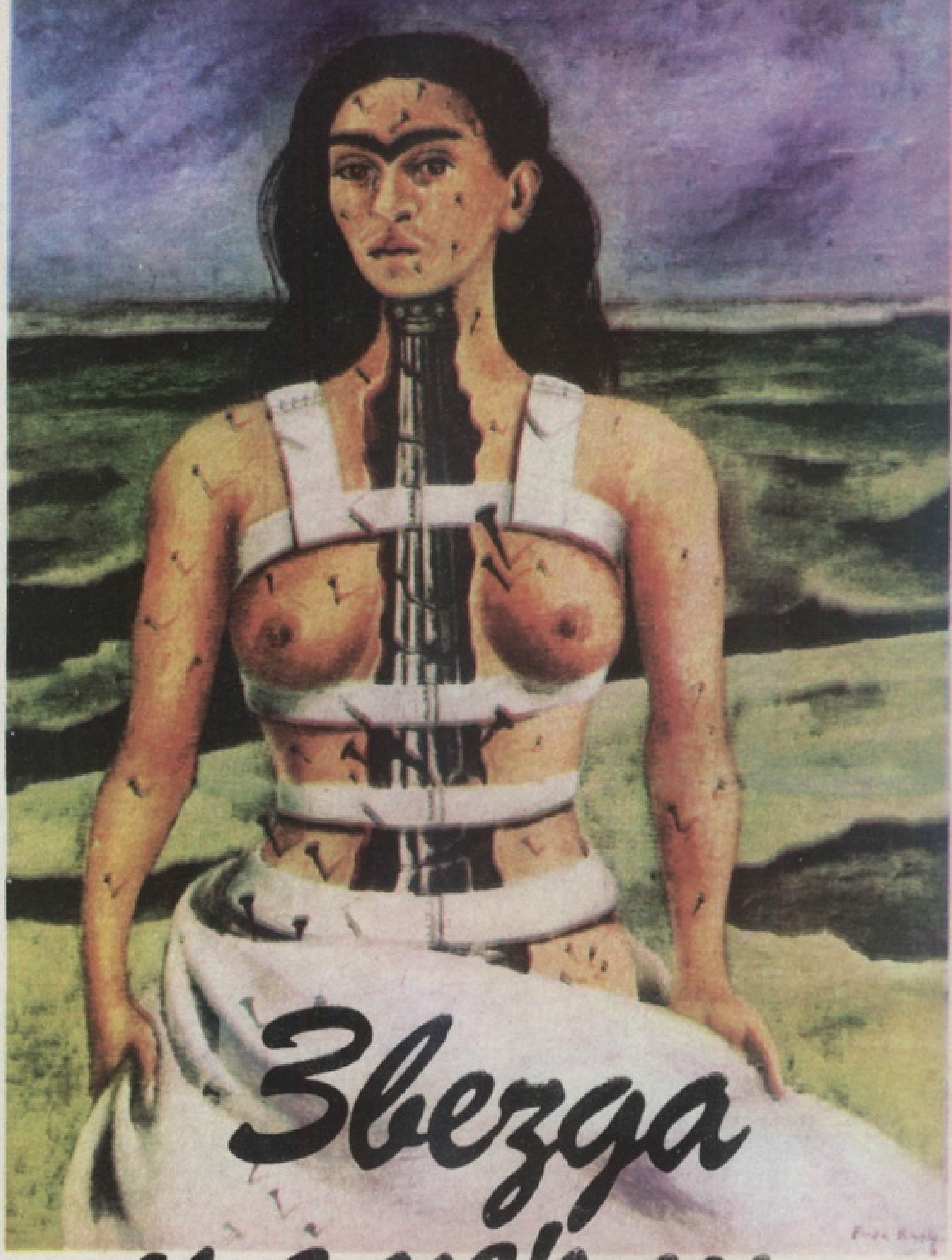
Но это было в 1955-м или в 1956-м, в жутком промышленном пригороде Ленинграда, в России...

А потом был «ситроен», который я увидел однажды стоящим на пустой улице моего родного города, у Эрмитажа, около портика с кариатидами. Он был похож на хрупкую сжавшуюся бабочку, с крыльями из гофрированного железа, из которого в последнюю войну делали ангары на аэродромах и до сих пор делают машины французской полиции.

Я рассматривал его без какого-то определенного интереса. Мне было ровно двадцать лет, и я никогда не водил и не хотел водить машину. Чтобы иметь свою собственную машину, в ту пору нужно было быть большой «шишкой» или сыном такой «шишки»: партийным функционером, академиком, знаменитым спортсменом. Но и тогда ваша машина могла быть только отечественной, хотя она вся и была скопирована с западной.

«Ситроен» стоял на улице, легкий и беззащитный, абсолютно лишенный намека на угрозу, какая обычно связывается с автомобилем. Казалось, что скорее ты можешь причинить ему зло, чем он тебе. Я никогда еще не видел ничего металлического, что было бы столь малоагрессивно. Он выглядел более человечным, чем многие, кто проходил мимо, и в какой-то степени походил в своей завораживающей простоте на те банки из-под военной тушенки, которые все еще стояли там, на моем подоконнике. В нем не было тайн. Мне захотелось сесть в него и ехать, не потому, что мне хотелось куда-то уехать, но потому, что сесть в эту машину было, наверное, все равно, что надеть куртку — нет, плащ — и пойти прогуляться. Одни только створки боковых стекол наводили на мысль о ком-то близоруком в очках, с поднятым воротником. Если память мне не изменяет, то, что я почувствовал, разглядывая эту машину, было счастьем.

Перевод С. КОЗИЦКОГО



Звезда и смерть ФРИДЫ КАЛО

Райнер ФАБИАН,
западногерманский
журналист

17 сентября 1915 года на площади Сан-Хуан в центре Мехико случилось несчастье. На оживленном перекрестке столкнулись омнибус и трамвай. Под истошные крики уличных торговок, свидетельниц аварии, из винного погребка выскочил, сжимая в руке стакан недопитого шнапса, один из посетителей. Он увидел девушку, лежавшую в кровавой луже.

«Мужчина из таверны внес меня в дом и положил на бильярдный стол,— записала в своем дневнике 18-летняя Кармен Фрида Кало,— как копье протыкает зверя, так кусок железного рельса проткнул меня, сильно поранив почку».

Так начались страдания Фриды Кало. Жизнь обошлась с ней жестоко. Многочисленные операции на позвоночнике. Три беременности, прерванные вынужденными абортами. Ампутация ноги. Выдержать бесконечную изнуряющую одиссею по госпиталям Мексики и Северной Америки помогла ей безумная любовь к мужу, знаменитому мексиканскому художнику Диего Ривере. И помогло ее искусство. «Я не умерла,— сказала она несколько недель спустя после аварии,— я нашла повод остаться в живых: живопись».

Первым ателье для Фриды Кало стала больничная койка с балдахином, укрепленным на четырех подпорках. Перед Фридой висело зеркало. Целый год она писала портреты, один за другим, со своего искаженного болью лица; и все ее картины — это дневник узника, томящегося в вечном плену у болезни. «Мои работы — просто хроника боли»,— утверждала она.

Она рисовала свое инвалидное кресло и зародышей своих нерожденных детей, свой раздробленный позвоночник и рваные артерии, стиснутые челюстями медицинских зажимов. Безнадежно белую, как известка, поверхность гипсового, пропахшего йодом корсета она украшала узором из серебристо-голубых цветов и пестрых птичьих перьев; и даже платья, натянутые поверх гипса, были покрыты орнаментом в форме операционных шрамов.

Почти три десятилетия Фрида Кало отбивала своей кистью атаки смерти. Смерть победила в 1954-м. Фриде было сорок семь, и она была самой известной художницей Мексики. Дадаист Марсель Дукамп выставлял ее картины в Париже, коллекционер Пегги Гуггенхайм — в Нью-Йорке. Пабло Пикассо признавал, что он «не смог бы написать какой бы то ни было портрет так же хорошо, как Фрида Кало». Сюрреалист Андре Бретон посвятил ей эссе, которое закончил словами: «Искусство Фриды Кало — это лента, перевязавшая бомбу».

После этого художницу забыли.

О ней вспомнили, ее открыли заново только в 70-е годы благодаря стараниям феминисток, провозгласивших Фриду Кало величайшей в истории женщиной-художницей.

...В юности Фрида Кало, что вообще в традиции мексиканцев, мечтала быть революционеркой. Она восхищалась бунтарями Запатой и Панчо Вильей. Облик революционеров, поднявшихся на борьбу с землевладельцами,был живописен. Они носили густые усы и с широчайшими полями сомбреро, узкие брюки и высокие, непременно запыленные сапоги. Грудь героев перевивали ремни патронташей.

В 1914 году бойцы Запаты вошли в Мехико. Мать Фриды ухаживала за ранеными и пекла пышные маисовые лепешки для изможденных мужчин. Фрида и ее сестра Кристина пели революционные песни. Шла война, но воздух был напоен романтикой борьбы, и Фрида «мечтала уйти в поход вместе с повстанцами».

Шестнадцатилетняя Фрида Кало стала членом левой организации школьников, а в двадцать получила «малый партбилет» коммунистического союза молодежи. Она носила мужскую одежду на манер эмансипированных парижанок: накрахмаленная шапочка и воротничок, широкие мешковатые брюки — и обладала, по свидетельству американца Бертрана Вольфа, биографа Диего Риверы, «богатейшим лексиконом непристойностей, какой только вообще можно встретить у женщины».



Единственным чувством, которое «красная Фрида» питала к своим школьным преподавателям, было презрение. Уроки нагоняли скуку, дисциплина угнетала. Преклонение учителей перед европейским искусством и культурой ранило ее национальную гордость. Вместе с одноклассницами Фрида проводила сидячие забастовки, взрывала в школьных кабинетах бумажные бомбочки, подкладывала нелюбимым педагогам хлопушки, наполненные водой.

Картины, которыми один огромный человек украсил стены общественных зданий Мехико, потрясли Фриду. Это была любовь с первого взгляда. На полотнах Диего Риверы, запечатлевшего мексиканскую революцию, индианки убаюкивали младенцев, повстанцы на белых скакунах неслись в бой, лоснящиеся от жира богачи бежали со своих земель, подгоняемые крестьянскими мачете.

Любовь с первого взгляда испытала Фрида и к автору картин, великану Диего Ривере, который так походил на героев ее детства. Он носил комбинезон, шляпу, и за поясом у него был револьвер.

23 августа 1919 года Фрида Кало и Диего Ривера обвенчались в ратуше Койокан, расположенной в квартале художников. Свидетелями заключения брака были парикмахер и врач-гомеопат. Состояние здоровья невесты к тому времени, спустя четыре года после аварии, заметно улучшилось. Забылся день, когда случилась беда, забылись приступы ужасающей боли. Человек с перебитым позвоночником обрел опору. «Ты нашел меня разрушенной, и ты вернул меня к жизни»,— писала Фрида Диего.

Ее решение выйти замуж за обитателя богемы, отъявленного донжуана, не знающего покоя гения всем казалось воплощением безумия — всем, кроме самой невесты. Излюбленной темой для разговоров в модных салонах Мехико были любовные похождения Риверы. Особенно много шума вызвала история его связи с позировавшей ему Гваделупой Марин. Каждая их ссора была готовым сюжетом для кино — равно как и каждое примирение.

Фрида Кало знала и о нашумевшем случае на вернисаже, где Диего Ривере вздумалось пофлиртовать с девушкой-кубинкой. Лупа начала кричать, изорвала для начала рисунки Риверы, а затем добралась до волос несчастной соперницы. Когда гости разбежались, Диего схватил возлюбленную за косы, проволок ее по комнате и в заключение избил до синяков. На следующее утро Лупа явилась мириться и подарила Ривере новый револьвер.

Фрида впервые встретилась с Лупой на собственной свадьбе. Брошенная возлюбленная ворвалась в помещение, где отмечалось торжество, подскочила к невесте, задрала на ней юбки и, показывая на худые ноги Фриды, крикнула: «Видите эти палки? На них Диего променял мои ноги!» После чего с шумом удалилась.

Некоторое время спустя они стали подругами, жена-инвалид и экс-фаворитка. Часто сидели Лупа, Фрида и русская Ангелина Белова (также в прошлом возлюбленная Риверы) за чашкой чая и болтали о мужчине, которого любили, несмотря ни на что, и которому прощали все его выходки. «Он просто большой ребенок»,— говорила Ангелина Белова.

Это был неравный брак. Человек неосведомленный мог принять их за дочь и отца. Огромный Диего был почти вдвое старше Фриды и с самого детства походил на Гаргантюа. В двадцать лет он весил триста фунтов, и «во всей Мексике и Испании не нашлось бы человека, такого же высокого, как он»,— уверял Бертран Вольф.

Фрида называла мужа «карасде» (что-то вроде «лягушечьей физиономии»); для него же она всегда была «мое прекрасное дитя». Он часто рисовал ее, но не такой, какой она сама привыкла видеть себя — маленькой, хрупкой, отчаявшейся,— нет, на полотнах Риверы она была монументальна, полна жизни, она была то революционеркой, чью грудь украшал медальон с изображением серпа и молота, то партизанкой, раздающей оружие народу; то кокеткой, соблазняющей попа.

Диего вызывал у Фриды чувство, близкое дочернему уважению, и вместе с тем был для нее ребенком — тем ребенком, которого она не могла родить. На одном из многочисленных автопортретов она изобразила свое лицо состоящим из двух частей: наполовину Фрида, наполовину Диего. На другой картине Диего восседает посреди ее лба, словно третий глаз. Однажды она нарисовала себя в виде матери, несущей Диего на плечах, будто ребенка.

Она рисовала, как другие ведут дневник. После ее развода с Диего Риверой в 1938 году появилась картина «Обе Фриды» — Фрида в белом, викторианского покроя платье, и Фрида в черных одеждах. Сердца обеих оголены, словно под скальпелем хирурга. Их соединяют кроваво-красные пряди артерий. В руках обе женщины держат символы шока, вызванного разводом. Темная Фрида несет миниатюрный портрет Диего, белая — перерезает ножницами соединявшие их артерии. «Фрида — первый и единственный в истории художник, вырвавший сердце из собственной груди,— сказал Ривера,— и первая женщина, которая с беспощадной прямотой говорила о вещах, касающихся только женщин».

В «Автопортрете с отрезанными волосами» Фрида намекает на неверность мужа. «Если я еще раз застану тебя с другой женщиной,— поклялась она,— я остригу свои волосы». Застала — схватилась за ножницы. Эпиграфом к картине стали слова из популярной тогда песни: «Я любил тебя из-за твоих прекрасных волос. Ты их отрезала, и я больше тебя не люблю».

Никогда письма Фриды к Диего не были так полны нежности, как те, что посылала ему она после развода. «Ни с чем нельзя сравнить твои руки и зеленое золото твоих глаз. Мое тело хранит память о тебе. Ты — зеркало ночи. Фиолетовый свет молнии. В твоих объятиях мое убежище».

Спустя два года после разрыва они поженились снова.

Бóльшую часть своей жизни художница провела в Койокане. Она знала, что никогда не сможет отправиться в долгое путешествие, проехать по всей Мексике.

И тогда она всю Мексику впустила в свой дом.

Прикрепленные к потолку, болтали ножками на сквозняке «еврейские фигурки» из папье-маше. Со стен смотрели гипсовые скелеты, какими украшали свои дома мексиканцы-аборигены. На полках лежали изделия мексиканских мастеров-ремесленников.

В конце 40-х годов Фрида Кало стала преподавать в Школе искусств «Ла Эсмеральда». Занятия проходили в ее доме. Ежедневно собирались ученики, называвшие себя «Лос Фридос» («Фриды»), вокруг женщины, сидевшей в инвалидном кресле. Уроки были необычны. «Лос Фридос» рисовали что и как хотели. Они мечтали об искусстве, понятном и нужном народу. Свои картины они выставляли под открытым небом, на овощном базаре в квартале Такуба; на аллеях в парке Капултерек; на улицах.

В последние годы своей жизни Фрида Кало часто думала о самоубийстве. После седьмой операции на позвоночнике ей пришлось носить тяжелый гипсовый корсет, и рисовать она могла только лежа. В спальне художницы больше не пахло цветами, там стоял запах медикаментов, а на тумбочке возле кровати грудились ампулы с болеутоляющими лекарствами.

«Шесть месяцев назад мне ампутировали ногу,— записала Фрида Кало в своем дневнике 1 февраля 1954 года,— это время растянулось для меня в многовековую пытку, иногда я почти теряла рассудок. Я все еще хочу убить себя. Но мысль о Диего держит меня, ведь я настолько наивна, что верю, будто нужна ему. Он так сказал, и я верю ему. Но никогда в моей жизни я так не страдала. Я подожду еще немного».

За несколько месяцев до смерти в приступе отчаяния она изрезала ножом один из своих автопортретов. Ее биограф Рахель Тибол была тому свидетелем. «Лезвием, уничтожавшим картину, она убивала и саму себя. Это походило на ритуальное самопожертвование».

При погребении Фриды Кало 13 июля 1954 года над саркофагом по просьбе Риверы подняли флаг с серпом и молотом. Звучал «Интернационал». Во время кремации Диего Ривера делал наброски. Он рисовал, как огонь охватывает тело его жены, превращая его в груду обугленных костей.

Перевела с немецкого Н. КАБАНОВА

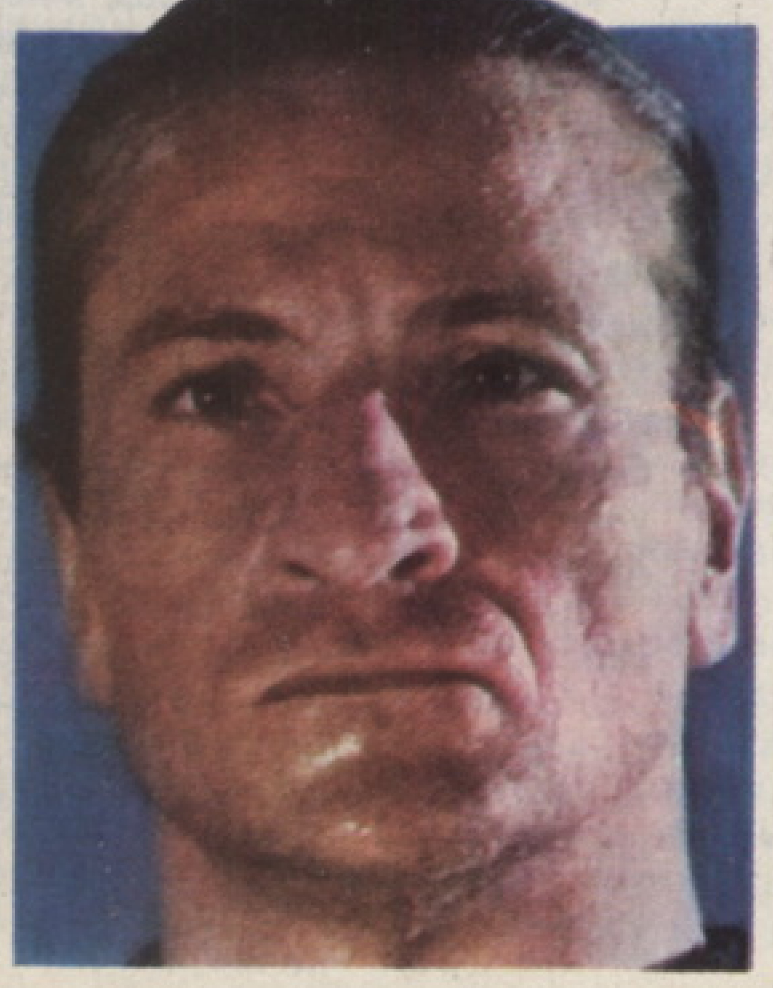


О ТОМ, ЧТО СВИТЕР — ОДИН ИЗ НЕПРЕМЕННЫХ АТРИБУТОВ МОЛОДЕЖНОЙ МОДЫ, и говорить не приходится. О том, что у нас сейчас в магазинах с готовыми свитерами не густо, а с шерстью для вязания — тем более, говорить как-то скучно. Поэтому, выбирая из зарубежной прессы иллюстрации для очередной заметки на тему «А что сейчас носят?», мы решили показать вам вот эти свитера. Конечно, связать их могут лишь умелые рукодельницы, зато можно использовать сколько угодно мотков разноцветной шерсти, оставшейся от прошлых работ. Свитер с набивным рисунком, увы, в домашних условиях вряд ли можно сотворить, однако это неплохая рекомендация для предприятий, на которые поступает лишь шерсть самых унылых цветов... Может, попробуем? А то как-то надоело видеть вокруг себя людей исключительно в «немарком».

...И СНОВА — «СПРУТ». Мы уже неоднократно публиковали фотографии Микеле Плачидо — исполнителя роли комиссара Каттани. Повторяем: на всех снимках он изображен с партнершами по фильмам, а не с женой! Теперь сообщаем желаемые читателям подробности: Микеле Плачидо родился 19 мая 1946 года, рост — 1 метр 81 сантиметр, жена — тоже актриса, Симонетта Стефанелли, дочери Виоланте 14 лет.

И еще одна существенная подробность: в «Спруте-5» Микеле Плачидо не будет. А главным героем станет комиссар, роль которого исполняет актер Витторио Меззоджорно. Редакция пока не располагает снимками Витторио Меззоджорно в «Спруте-5», предлагаем его фото в роли из постановки «Махабхараты», осуществленной известным английским режиссером Питером Бруком. Ох, не Плачидо? Но ведь главное — мафию победить, не так ли?







В ПРОШЛОМ ГОДУ В МОСКВЕ СОСТОЯЛИСЬ ГАСТРОЛИ певицы из ФРГ Сандры. О том, как она стала певицей, мы уже рассказывали в № 9/88, здесь мы приводим ответы Сандры на вопросы нашего корреспондента.

— Каковы, на ваш взгляд, тенденции развития евродиско?

— А евродиско не существует! Такой музыки просто нет. Но пока люди проводят время в дискотеках, я делаю музыку для дискотек.

— Но не кажется ли вам, что исполнять такую музыку в большом концертном зале несколько, скажем так, необычно?

— Вы же сами видели, что творилось на концерте!

И верно — на концертах Сандры был полный аншлаг, чего нельзя сказать о концертах столь же любимого у нас Дитера Болена. В чем дело?



«ПАПЕНЬКИНЫ СЫНКИ». Преемственность поколений в роке? Вне всякого сомнения! Успешная карьера Джулиана Леннона, записавшего уже третий альбом, повышенный спрос на Зака Старки (сына Ринго Старра), «попсовый» триумф Дуизилла Заппы, отличные пластинки групп Джесона Бонхэма свидетельствуют в пользу этого утверждения.

Недавно ряды «детей великих» пополнились: в составе английской группы «Now» появились Кофи Бейкер, ударные, и Малколм Брюс, гитара, клавишные,— сыновья знаменитых музыкантов «Крим».

НЕПОДАЛЕКУ ОТ ВАШЕГО ДОМА ЕСТЬ ГОЛУБЯТНЯ! Скорее всего нет. К сожалению, мода на красивых почтовых птиц у нас давно прошла, и сейчас лишь немногочисленные энтузиасты в одиночку сотрясают микрорайоны пронзительным «пальцевым» свистом.

Сразу же после второй мировой войны почтовые голуби были у молодых англичан предметом культа, в этом отношении наши голубятники ничем не отличались от «тех». Шло время, английские любители голубей взрослели, и мода на этих птиц ушла. Но совсем недавно она вспыхнула с новой силой, и возродили моду до- и послевоенные «фэны» голубей, которым сейчас далеко за 50. О популярности «почтовиков» в сегодняшней Англии можно судить по невероятно успешным выставкам, одна из которых проводилась летом прошлого года в Блэкпуле.





В РЕДАКЦИЮ ПОСТУПАЮТ ПИСЬМА ОТ ДЕВУШЕК, мечтающих стать манекенщицами. «Как стать?» — вопрос скорее технический. А вот что такое быть настоящей манекенщицей? На этот вопрос отвечают самые знаменитые манекенщицы мира: Инес де ла Фрессанж — в прошлом году она позировала для бюста символа Франции, Марианны (во Франции существует традиция создавать очередную Марианну по образу самой прекрасной женщины своего времени); Джерри Холл — между прочим, мать двоих детей, жена Мика Джеггера; Изабелла Росселини, актриса и фотомодель, дочь великой актрисы Ингрид Бергман...

«Красивое лицо, фигура, отвечающая всем требованиям профессии,— это еще не самое главное. Твое лицо должно рассказывать историю, у тебя могут быть не самые правильные черты, великие манекенщицы и фотомодели могут быть даже не красавицами и даже не самыми молодыми. Но лицо должно говорить. Увидев его, человек хочет взглянуть вновь, попробовать разгадать ту историю и ту жизнь, что скрывается за этим лицом. И этого никаким искусством — ни макияжа, ни фотографии — не добиться. За лицом должна быть твоя жизнь и мысли, продуманные тобой. Поэтому красивых девушек-то много. а вот женщин с лицом...»







ДИ СНАЙДЕР

КУРС ВЫЖИВАНИЯ для подростков

Причины пристрастий

Если люди знают об опасности наркотиков, алкоголя и табака, почему они все же продолжают ими увлекаться?

Для начала предлагаю тебе свою идею: мы живем в обществе, ориентированном на потребление. Подсчитано, что ребенок к моменту достижения возраста, с которого он может пить на законных основаниях, видит по телевизору в среднем 75 тысяч сцен, в которых фигурирует выпивка. А как алкогольная реклама представляет свою продукцию? В очень положительных образах.

Пиво, например, рисуется истинно «мужским» напитком: сильные, загорелые парни мужественно тянут пиво после целого дня тяжкой мужской работы. Как красиво! Вино ассоциируется с чем-то романтическим: нежная музыка, мягкий свет, мужчина и женщина томно таращатся друг на друга, и он наполняет ее бокал сверкающей жидкостью. Тоже красиво. А коктейли? Галантный, в меру сексуальный агент Джеймс Бонд знает в них толк!

Настоящий рекламный мужчина не мыслит жизни и без сигарет — низкий, отливающий металлом голос произносит: «После того как ты глотнул этого пива и окунулся в прохладные воды озера Гризли, закури «томбстон» без фильтра с ароматом угольной шахты Кентукки, ты заслужил это!» Сигарета может быть также символом протеста: отчужденный, эдакий «если-врежу-берегись!» взгляд актера Шона Пенна. Или рок-н-ролльный образ Кейта Ричардса из «Роллинг стоунз» — сигарета настолько тщательно прилеплена в углу рта, что производит впечатление очень — ну просто очень! — небрежно висящей, а он в это время берет могучий гитарный аккорд. А для женщин сигарета подается как символ независимости: холодная и неприступная красотка, имеющая полное и неотъемлемое право на самый качественный рак легких.

Мало того, что мы подражаем героям, которых нам навязывают средства массовой информации, мы еще подражаем и своим родителям. Пьянство ассоциируется с переходом во взрослый возраст, а в шестнадцать лет ничего так сильно не хочется, как чтобы тебя считали взрослым. Возможно, ты не настолько взрослый, чтобы получить водительские права или устроиться работать на полный день, но, по крайней мере, ты можешь имитировать абсолютно взрослый, необычайно сложный внутренний мир алкоголика (смотри, не поперхнись, а то твой образ сильно пострадает).

Вероятно, процесс курения и выпивки даст тебе ощущение собственной шикарности, но подумай вот о чем: и табак, и алкоголь — наркотики, и пока ты тут гарцуешь и воображаешь, как стильно выглядишь со стороны — небрежно засунутая в пасть сигарета, стакан дешевого вина,— постарайся припомнить одного из этих старых, сморщенных человечков с желтыми ногтями и зубами. Вот таким ты станешь в результате! Красиво, правда? Или хотя бы припомни, какое ты испытываешь отвращение при виде пьяных родителей: помнишь, как мамаша с глупым хихиканьем шлялась по дому, угрожая всем неслыханным стриптизом, а старик пьяно ржал и никак не мог стянуть башмаки? Слава богу, надолго их не хватило, и через пять минут предки угомонились, но тебе было так стыдно, что, не будь ты подростком, с удовольствием вышвырнул бы их из дому, чтобы проветрились.

Продолжение. Начало см. в № 1/90.

Помимо того, что наркотики и алкоголь придают подросткам ощущение взрослости, их часто используют как способ избавиться от надоевших проблем. Однако это лишь иллюзия: когда человек просыпается в диком похмелье или в посленаркотическом угаре, проблемы отнюдь не исчезают, а становятся лишь более острыми.

Существует и другая причина: поскольку спиртное и некоторые наркотики ослабляют самоконтроль, их активно включают в схему соблазнения. Конечно, алкоголь и наркотики могут сломать сопротивление партнерши, но один маленький нюанс, джентльмены. Как сказал об алкоголе Шекспир: «Он провоцирует желание, но ухудшает представление». Если перевести с языка поэзии на язык суровой прозы, это означает следующее: хорошая выпивка или пара сигарет с «травкой», безусловно, ослабят сдерживающие рефлексы, но то же самое произойдет и с одной очень важной деталью твоей анатомии.

На взрослых вечеринках не очень уверенные в себе члены компании вначале проглатывают пару стаканчиков и только потом отваживаются на общение. Они полагают, что алкоголь помогает им сбросить скованность, расслабиться — в результате одни чересчур расслабляются, а другие деревенеют еще больше, и чтобы чувствовать себя увереннее, им надо высосать еще один стакан виски или выкурить «косячок». Вот тогда они станут привлекательнее. Сильнее. Остроумнее. Болваны!

Мы живем в обществе, которое требует от своих членов оправданий за несдержанность, и большинству людей кажется, что перепой может служить таким оправданием. Если они выглядят глупо и тем изрядно смущены, существует стандартная формула: «Понимаешь, я слегка поддал!» Или: «Прости, что я тебя стукнул (наблевал на ковер, разбил любимую вазу), но я так напился». Потрясающий идиотизм: в большинстве случаев подобное объяснение представляется удовлетворительным!

Я никогда не давал себя запугивать. Если мне хотелось танцевать, я смело шел к понравившейся мне девчонке, не забегая перед этим в туалет, чтобы набраться смелости из бутылки. Сегодня я выступаю на сцене перед тысячами зрителей и взбадриваю себя исключительно собственными ресурсами. Это же относится и ко всем остальным моим музыкантам. Мысль, что наркотики и алкоголь сделают тебя более талантливым или ты станешь играть лучше, абсурдна. Когда-то я выступал с музыкантами, которые «заводили» себя перед выходом на сцену. Поверь мне, никто из слушателей не заметил какого-либо качественного улучшения их игры, да и сами эти парни недолго оставались музыкантами.

Почему успех вечеринки зависит от выпивки и наркотиков? Собираются малознакомые люди, надираются до оцепенения, общаются при этом лишь с собственными стульями, а на следующий день рассказывают знакомым: «Отлично!» Однако «сходняк»-то был препоганейший — возможно, виски и «травка» действительно в тот вечер уродились, но с таким же успехом участники этого мероприятия могли бы сидеть в камерах-одиночках, и у них получилась бы такая же «великолепная вечеринка». Я отлично разбираюсь в таких вещах, потому что всегда бываю трезвым, и если я говорю гостям: «Боже, какой это был ужас!», то поверь — так оно и было! Попробуй-ка сам провести эксперимент.

А когда мне нравятся «сходняки», значит, мне понра-

вилось общение с людьми, а не с упившимися и обкуренными куклами. И самое приятное, что я отлично все помню! Меня просто убивают люди, которые напиваются или «ширяются», чтобы весело провести время: на следующий день они ни черта вспомнить не могут. Вот интересно! Впрочем, разве это так важно, главное — повеселились.

Скука тоже играет свою роль

Большую роль. Для многих подростков выпивка является своего рода деятельностью, способом нарушить монотонность существования, а рассказы о том, как наркотики и выпивка добывались, становятся главной темой разговоров. Военные истории.

«Иду я по Вашингтон-парку, и тут ко мне подваливает какой-то козел и шипит в ухо: «Гашиш нужен?» Мы заходим в аллею, и он заламывает такую цену, что я начинаю тащиться! Ты что, говорю, совсем сбрендил?! Ну, он понял, что не на того нарвался, и сдал мне два «косяка» даже дешевле, чем у нас на «пятаке». Мы и «подкурились» вместе».

Реакция слушателей, конечно,— смесь восторга и изумления: «Во дает!»

Отказываясь от наркотиков и алкоголя, ты тем самым лишаешь себя права на «военные истории».

«Был вчера на вечеринке. Подходит ко мне один тип с бутылкой мексиканской водки и говорит: «Промочим горло?»

«Ну а ты?»

«А я говорю: «Нет, спасибо, я не пью».

Совсем не тот эффект, не так ли?

Приключения с наркотиками и алкоголем дают неисчерпаемую пищу для «военных историй», которые обычно сводятся к подробностям того, как «герой»» сломался, в каком состоянии очухался, куда попал и как он ничего не помнит. Во дает!

Разумеется, ты имеешь все возможности стать кумиром местных дегенератов, которые будут восхищаться тем, как замечательно ты создаешь себе проблемы и как ловко пока из них выкручиваешься. Но неужели это самое интересное, что ты можешь рассказать о себе? Где твое воображение, дятел? Ежегодно недоумки вроде тебя тратят сотни миллиардов долларов на наркотики и алкоголь. Почему бы вместо того, чтобы тратиться на всякое дерьмо вроде виски и марихуаны — и то и другое испаряется, только головная боль остается,— тебе не купить электрогитару, научиться на ней играть, собрать группу, стать рок-звездой, а потом еще немного подучиться, чтобы знать, куда лучше всего вкладывать свои доходы? Научись кататься на коньках, займись фотографией. Создай, в конце концов, какую-нибудь организацию, заимей хобби, займись делом, дубина! Пусть оно станет твоим наркотиком. Как стала для меня моя группа. (Если бы у меня было больше места, я бы загнул такую «военную историю» про «Твистед систер», что у твоих свистунов-наркоманишек из одного места дым пошел! Во я даю!)

Давление компании, давление пива, давление в мочевом пузыре

Основная причина, по которой люди говорят алкоголю «да», заключается в том, что сказать «нет» довольно сложно. Ты постоянно испытываешь давление своих дружков, и чтобы сопротивляться, нужна приличная сила воли. Знаешь лозунг антинаркотической кампании? «Только скажи «нет»!» Лично я согласен с этой идеей, но осуществить ее не так просто. Тебе никак не удается просто взять и сказать «нет». Потому что на этом никогда не заканчивается: «Нет? А почему?» А вот на объяснения почему, у тебя кишка тонка.

И верно, от выпивки отказываться трудно, поскольку подобное предложение — что-то вроде дружеского жеста, аналогичного индейской «трубке мира». Это как рукопожатие. И для многих твой отказ от стаканчика или сигареты звучит как: «Нет, спасибо, я не пожму тебе руки».

По сей день у меня возникают проблемы при улаживании подобных ситуаций, и главным образом потому, что про дело, которым я занимаюсь, ходят самые дикие ле-



Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА

генды: предполагается, что любой рок-музыкант круглосуточно глушит виски и колется с обеих рук. Поклонники постоянно предлагают мне выпить, и неважно, как вежливо я отказываюсь, некоторые чувствуют себя оскорбленными, а в их глазах я читаю: «Ну что, гад, я для тебя недостаточно хорош?!» Говорю, что не употребляю, а они не верят. Не веришь же, гад! Особенно мне, да? Людям трудно понять, что человек, который выглядит и ведет себя на сцене так, как я, не пользуется каким-то сногсшибательным секретным наркотиком. Но многие, очень многие рок-музыканты разглядели опасность наркотиков, стали свидетелями крушения карьер некоторых своих коллег и поклялись никогда не прибегать к этому яду. Никто из тех, кто вылечился от наркомании, как Кейт Ричардс, Эрик Клэптон и Элис Купер, не вспоминает прошлое с нежностью и любовью — в это прошлое никому не хотелось бы вернуться. Наркотики и алкоголь лишили рок-музыку таких звезд, как Джими Хендрикс, Элвис Пресли, Бон Скотт, Джон Бонхэм, Дженис Джоплин, и всякий раз, когда я вспоминаю кого-нибудь из кумиров моей молодости, пострадавших от наркотиков или спиртного, мое решение жить в трезвости лишь крепнет.

Итак, существуют три способа сказать «нет»: первый — гнуть свою линию с риском оскорбить доброхота, второй — попытаться уговорить его, а третий — избежать вызова.

Ближе к вечеру сопротивляться все труднее и труднее, а твой противник проявляет все большую настойчивость. Это потому, что людям не нравится пить или «торчать» в одиночку — в присутствии трезвенника они обычно смущаются, чувствуют себя униженными. И верно: какими великими откровениями они могут поделиться? В компании таких же «задутых» они чувствуют себя прекрасно — какая разница, что плести, к утру все равно никто ничего не будет помнить, но присутствие не-«алкаша» причиняет «настоящим мужчинам» большие неудобства.

Я заметил, что когда на деловых обедах я заказываю себе минеральную воду, другие участники поступают точно так же, но стоит мне попросить принести пиво или белое вино, как партнеры оживляются и с удовольствием повторяют заказ. И все же осведомленность о моих принципах в отношении алкоголя не позволяет им напиваться в моем присутствии. (Это тоже плохо: нализавшись как следует, они становятся более податливыми и во всем со мной соглашаются.)

Отказаться от алкоголя сравнительно несложно. Если ты попал на вечеринку, хозяин которой уже взломал папашин бар и вся компания устроилась там со всеми удобствами, ты всегда можешь сделать себе апельсиновый сок со льдом и тянуть его весь вечер. До тех пор, пока у тебя в руках есть какое-то подобие выпивки, никто не будет приставать. Если кто-нибудь спросит, что ты пьешь, отвечай, что намешал себе «скрюдрайвер», то есть апельсиновый сок с водкой. Или же плесни себе содовой воды с тоником и выдави немного лимона — это похоже на джин. Можешь сделать себе кока-колу со льдом — сойдет за ром. Только не позволяй никому прикладываться к твоему стакану.

Я помню, как несколько лет назад группа парней на мотоциклах подъехала к клубу, где выступали «Твистед систер». Они пришли в бешенство, увидав одного из наших охранников,— оказывается, он принадлежал к соперничающей группировке таких же безумных мотоциклистов. Парни решили, что и «Твистед систер» как-то связана с этой шайкой.

Они послали парламентера в нашу артистическую уборную и передали, что их банда хочет устроить нечто вроде переговоров. Вскоре вошел главарь, представился и предложил нам двоим уединиться в туалете. Чтобы никто не мешал. Мы вошли в туалет, он закрыл дверь, достал флакон с кокаином, сыпанул горсть, разделил ее на две линии и сделал широкий жест рукой — давай, мол, начинай.

Знаешь, если у меня когда-либо и было искушение сказать «да», так это в тот самый вечер, потому что за дверями слонялись тридцать пять здоровенных лбов, готовых начать войну против меня и моей группы. Прежде чем я сообразил, что говорю, из меня вырвалось обычное: «Спасибо, но я не увлекаюсь наркотиками». Вначале главаря покачнуло, как после удара в челюсть, потом его глаза превратились в две узкие щели, но когда я добавил: «Почему бы тебе самому не «потянуть» мою долю?», он пожал плечами, смахнул обе линии, и все оказалось в порядке. Это было много лет назад, но и сегодня я уверен, что предпочел бы получить удар в морду за отказ нюхать черт знает что, чем поступился бы своими принципами и получил бы удар наркотика в мозг. Как бы то ни было, ничего страшного не произошло.

Важное замечание: отказываясь от таких предложений, никогда не веди себя высокомерно и пренебрежительно — в большинстве случаев это просто дружеский жест человека, слабо представляющего себе, что такое настоящая дружба. Иногда я нахожу, что лучше всего бывает чуть-чуть соврать. Когда кто-то предлагает мне выпить, я говорю: «Я в завязке». Пьющие считают это аргументом, поскольку это означает, что когда-то я был таким же, как они, а сейчас — временно, как им кажется,— обрек себя на отказ от такого отличного времяпрепровождения. Или же я говорю, значительно при этом ухмыляясь: «Я чувствую себя превосходно», подразумевая, что уже хорошо «ширнулся» или «забил косяк». Это тоже принимается без возражений. Отказ же от обычной сигареты для меня сущий пустяк: я — певец, и мне надо беречь голосовые связки.

В общем, говори что угодно, лишь бы тебя оставили в покое. Если надо, лги. Скажи, что не будешь пить, потому что боишься своего старика — «если унюхает, убьет». Именно священный трепет перед моим Папашей Всемогущим помог мне не стать наркоманом или пьяницей. Еще одно преимущество: я понял, что когда откровенно говорю о том, что не пью и не употребляю наркотиков, вокруг меня часто образуется вакуум и меня отлично видно со всех сторон: в глазах окружающих я выгляжу графом Монте-Кристо, романтическим героем, одиноким в любой толпе. На меня смотрят как на доисторическое чудовище и тайком, чтобы я не видел, показывают пальцами. И вот он я, великолепный Ди!

Итак, наверняка возникнет ситуация, в которой ты будешь выглядеть изгоем: твои приятели собираются в тесный кружок и пускаются в «военные истории», при этом они непрерывно хихикают и страшно сами от себя кайфуют, и словно какая-то стена возникнет между тобой и ими. Согласен: это не очень-то приятное ощущение. Но задай себе вопрос: что же это за люди, которые оценивают другого человека по одному-единственному критерию — «принимает» ли он вместе с ними? Если совместный «кайф» является основой дружбы, осмелюсь сказать, что толку от такой дружбы — ноль. Настоящий друг относится уважительно к твоим взглядам и принципам.

Меня никогда не волновала мысль, что я могу попасть в положение изгоя, потому что я точно знал, что к концу вечеринки я буду выглядеть более выигрышно, чем кто бы то ни было. (А все потому, что и без виски и наркотиков я произвожу впечатление гораздо более чокнутого, чем любой «обкуренный» или «ширнутый».)

Еще одно преимущество «небалдежного» образа жизни: я всегда отлично проводил время на вечеринках, в то время как другие либо напивались до смерти, либо уходили в «торчок». Над ними можно обхохотаться! Ты только попробуй разок остаться трезвым в подвыпившей компании — уверяю, таких впечатлений ты не получишь ни в одном цирке.

Рано или поздно ты обнаружишь, что тебя тянет к людям, разделяющим твои взгляды на алкоголь и наркотики. Я вовсе не призываю ко всеобщей трезвости, среди моих друзей очень много людей пьющих, и пьющих достаточно ударными темпами, но среди них не меньше и тех, кто вообще не пьет. Те же, кто окончательно лишается рассудка на этой почве, долго в моей компании не задерживаются. В их обществе я чувствую себя неуютно, и неудивительно, что они испытывают те же чувства по отношению ко мне.

Что значит «слишком рано устать от жизни»

Когда я был подростком, я ощущал себя всемогущим и неуязвимым. И еще я был фаталистом — будь что будет. Ребенком ты трясся от страха перед злым волшебником, боялся оставаться один в доме, наедине с его скрипами и жуткими шорохами, но теперь ты вырос, почти взрослый, во всяком случае, такой же сильный и отважный! Ничто не может причинить тебе вред. Смерть? Это слово не из твоего лексикона.

Ни один подросток и не предполагает, что может оказаться жертвой беспробудного пьянства или передозировки наркотика. Какое отношение к тебе имеют все эти газетные сообщения о подростках-наркоманах, которых нашли мертвыми в гараже, или краткая информация по телевизору об убитых парнях примерно твоего возраста? Это происходит с кем-то другим. И вообще, все это нереально. До тех пор, пока однажды нечто подобное не произойдет с тем, кого ты хорошо знал. И тогда ты поймешь, что мог бы быть на его месте.

Представь себе свои чувства, если — не дай бог! — ты в пьяном виде сядешь за руль и разобьешь машину или задавишь кого-нибудь. Частенько пьяный водитель остается жив, а погибают его пассажиры. А что, если ими окажутся твои братья или друзья? Или подружка? Такие вещи, к сожалению, случаются.

Несколько лет назад в подобную ситуацию попал мой друг Винс Нейл, вокалист группы «Мотли крю»: он в пьяном виде управлял машиной, столкнулся с другим автомобилем, и в аварии погиб его пассажир, барабанщик группы «Ханой рокс» Николас Дингли. Еще трое серьезно пострадали. Я всегда исповедовал принцип: делай то, что тебе хочется, если только твои желания не ущемляют права других, тем более не ставят под угрозу их жизнь. Винс по природе очень добрый и скромный человек, но он лишил жизни одного и искалечил судьбу и здоровье еще трем людям. А ведь с этим бременем ему предстоит жить!

Одно время гитарист моей прежней группы «Твистед систер» (сейчас Ди Снайдер создал новую группу «Десперадос».— *Ред.*) Джей Джей Френч был серьезно втянут в наркотики. Он жил в богемном районе Нью-Йорка, и отчасти место обитания предопределило его увлечение наркотиками. И лишь он один из целого круга людей, связанных с ним и его прошлым, сумел выкарабкаться с минимальными потерями. Остальные либо продолжают самоистязание, либо в тюрьме, а иных уж и нет. Джей полностью воздерживается от наркотиков и до сих пор не может поверить, что ему это удалось.

ЧАСТЬ II. ОНИ

Родители и семья — не могу жить с ними, а пристрелить жалко

Ты опутан их тревогами
И мечтами о завтрашнем дне.
Так проходит жизнь,
И молоко оказывается без сливок.
Они считают тебя глупцом,
Живущим одним днем.
Им не нравится, что ты погружен
в себя
И что тебя не волнует, что об
этом думают другие.
«SMF», песня группы «Твистед систер»

Помнишь злобного, сердитого папашу из нашего видеоклипа «Мы не принимаем это»?

Это мой старик.

Конечно же, его играл другой актер, но отец гордится, что персонаж полностью списан с него: всемогущая, всеподавляющая злобная сила.

Никто не оказывает на тебя такого влияния, как твои предки, никакие родственные связи не являются такими законченными и совершенными, как связь с ними. Ты можешь часами обсуждать какой-нибудь пустячный вопрос с матерью или отцом — например, можно ли тебе покататься на их машине, но никто из вас так и не поймет — и даже не услышит — аргументы противной стороны. Но бывает, что достаточно легкого изменения интонации или взгляда, чтобы все стало понятно.

«Ну, как прошел день?»

И ты взрываешься: «Я знаю, что тебя интересует — сдал ли я экзамен по математике! Можешь успокоиться, не сдал! О'кей? И хватит меня пилить!»

Сознаем мы это или нет, но больше всего на свете нас волнует одобрение или неодобрение родителей. Мы прекрасно обойдемся и без него, но нет ничего лучше, чем услышать от мамы или отца: «Мы гордимся тобой». Когда мои предки сказали, что гордятся мной — это произошло после международного признания «Твистед систер»,— я почувствовал полное удовлетворение собой. Никогда не думал, что их одобрение может оказаться для меня таким важным.

Особенно, если учесть мои весьма напряженные отношения с ними в отрочестве. Сцена в ролике «Мы не принимаем это», когда отец пилит сына за то, что тот не убрал свою комнату, могла бы в середине 70-х сниматься в доме Снайдеров.

«Это не комната, а хлев!» — обычно орал папаша. Взмахом руки он сбрасывал со стола горы книг, ворох джинсов и маек, валявшихся на стуле, отправлялся вслед за книгами. Однажды в своей страсти к порядку он совсем сбрендил и ворвался в комнату посреди ночи — он как упырь кружил среди моего барахла, вопил и спотыкался о книги, которые уже и так были на полу, заодно скинул и меня с постели, высыпал мне на голову мусорное ведро, уселся в кресло и велел все убрать за две минуты. Когда я намекнул ему на время, старик распалился еще больше, выдернул из шкафа все ящики и вытряхнул их содержимое в открытое окно. Хорошо, что на его завывания прибежала мать: она устроила ему такую головомойку, что старик пулей кинулся на улицу подбирать мое барахло.

Мой отец был един в двух лицах — сегодня он был самым потрясающим парнем на свете, назавтра жизнь с ним превращалась в сущий кошмар. Я не хочу обвинять родителей во всех своих недостатках, но многие из моих страхов и предубеждений — это последствия непредсказуемого поведения отца. В то время я не понимал, что являюсь всего лишь мишенью его гнева, а не причиной. И хотя временами я люто ненавидел старика, в то же время я очень его любил. Думаю, я уже тогда если не понимал, то чувствовал, что вспышки гнева и ярости подавляли и угнетали не только меня, но и его самого. Мы и раньше-то не очень ладили, но когда я стал подростком, мне стало казаться, что мы вообще говорим на разных языках. Беседуя с друзьями, я понял, что не являюсь исключением, подобные ситуации возникали почти в каждой семье. Часто можно было услышать комментарии вроде: «Мои предки совсем чокнулись!» или «Я ненавижу эту сварливую парочку!»

Став взрослым и обзаведясь ребенком, я стал лучше понимать выходки моего отца, хотя не собираюсь его прощать. Полагаю, что твои предки уже успели довести тебя до белого каления и ты мечтаешь об учреждении исправительной школы для выживших из ума взрослых, хотя сильно сомневаешься, что твоих крокодилов туда примут. Если у тебя нет проблем с родителями, можешь считать себя счастливчиком. Но не закрывай журнал, полюбопытствуй, как живут менее удачливые (вроде меня), а я постараюсь пролить свет на поведение этих иррациональных существ, этих монстров, то есть родителей.

Некоторые подонки (вроде меня) пишут на своих родителей злобные пасквили, но я искренне считаю, что подавляющее большинство родителей честно пытаются быть хорошими матерями и отцами и любят своих чад. Смущает, правда — и я понимаю, что это может звучать смешно,— что иногда они выражают свою любовь несколько странным образом: воплями, затрещинами, что, на мой взгляд, не очень соответствует представлениям большинства детей о родительской любви.

Давай на минуту проявим участие к мамаше и папаше. Только на минуту! Их работа — твое воспитание — не всегда вознаграждается, это очень нервная работа, так что неудивительно, что с годами они становятся просто чокнутыми. А к тому времени, когда они наконец-то начинают получать от своей деятельности хоть какую-то отдачу, ты отделяешься от них и начинаешь вести независимую жизнь. Подумай об этом: с первого дня твоего появления на свет родителям приходится нянчить тебя, кормить, одевать, учить, воспитывать. И все для того, чтобы в один прекрасный день ты покинул их дом!

Твои самые первые слова, вероятно, были «мама» и «папа». Постепенно твой словарный запас увеличился, в нем появились «деда», «баба», «тетя», «дядя», имена других родственников и знакомых. У тебя возникают связи со все большим количеством людей, и ты все меньше и меньше зависишь от родителей. Ты учишься ходить и, еще не понимая, что делаешь, при всяком удобном случае норовишь удрать от предков. Отец и мать по-прежнему центр твоей вселенной, но однажды выбравшись из своей колыбели, ты готов расширять жизненное пространство. Внимание, которое ты прежде сосредоточивал исключительно на родителях, теперь делится между дедом, бабушкой и другими родственниками, потом в этот круг включаются школьные друзья, учителя и прочие: психиатры, дежурные полицейские, всякие бродяги, подружки и тот здоровый лоб с соседнего двора. Шаг за шагом ты отдаляешься от своих родителей, и, став подростком, ты видишь, что пропасть между вами становится почти непреодолимой. В поисках «себя» ты уже избегаешь их — это происходит оттого, что слишком долго твоя великолепная персона была неразрывно связана с ними.

В это время предков раздирают противоречивые чувства: с одной стороны, они любуются твоим ростом и превращением в некоторое подобие человека, с другой — их печалит предстоящее расставание с оболтусом, которого они кормили из бутылочки и пеленали. В любом случае малыш исчез. И родители видят в новом существе не юного человека, а неотесанного грубияна, хама, и, согласись, ты часто бываешь им. Некоторые родители вообще не желают видеть, что человек вырос, и порой — особенно если ребенок единственный в семье — носятся с ним как с младенцем. Взрослеющий человек — особенно это относится к девочкам — в конце концов взбунтуется и наломает таких дров, что вам станет страшно, это я к вам обращаюсь, любвеобильные бабушки и дедушки! Пожалейте своих внуков, обратите свой эгоизм на что-нибудь другое!

Это так стыдно!

«Эй, сын, пошли сегодня в кино?»

«Обязательно, па, только пусть кинотеатр будет в другом штате».

Все проходят через эту стадию, когда ты скорее предпочтешь умереть медленной, мучительной смертью, чем появиться на людях в обществе родителей. Поправка: если тебя заметили с предками, это уже само по себе может быть медленной, мучительной смертью.

Когда ты был маленьким, то наверняка гордился тем, что отец делает самых лучших воздушных змеев, а мама готовит самые вкусные пирожки. Теперь настали другие времена, твои родители уже смущают тебя: они либо слишком «хипповые», либо совершенно «нехипповые», и ты боишься, что друзья будут отождествлять тебя с ними. Чертовщина! Это особенно справедливо, когда ты отправляешься с ними на прогулку или в кино — предполагается, что ты должен одеваться и вести себя определенным образом, примерно так же, как родители. Ты точно знаешь, что они не позволят тебе надеть любимые драные джинсы, а фильм, на который вы отправитесь, вряд ли будет модным фильмом ужасов.

Мои предки были клинически «нехипповыми», и это меня весьма устраивало, особенно когда я наблюдал за конвульсиями приятелей, которым приходилось делить компанию своих «хипповых» родителей. Вероятно, существуют какие-то исключения (например, я сам), но ничего хуже «прикинутых» родителей быть не может. Прекрасно помню, что когда я был мальчишкой, среди отцов моих приятелей обязательно находился какой-нибудь папаша, который носил жутчайшие галстуки «модной» расцветки, балахон свободного художника и расклешенные белые джинсы, зрелище очень жалкое.

«Здравствуйте, мистер Кендалл!»

«Салют, старина! Дай лапу!»

«Ну, па, если хочешь говорить правильно, говори: «Дай клешню!»

«Тьфу ты черт! Забыл!»

Однажды, когда ты придешь домой и увидишь, что мама носится по квартире с пылесосом и ломается при этом, как Мадонна, а старикан в драной джинсовой куртке начинает демонстрировать твоим друзьям «мун-уолк» Майкла Джексона, постарайся проявить сочувствие. Либо они так расслабляются, либо это наступление маразма.

Я помню, как впадал в погребальное настроение всякий раз, когда семья Снайдеров полным составом отправлялась на пляж или в парк. Отец был помешан на идее «дружных и веселых Снайдеров» и балдел, когда все его «шесть мушкетеров» куда-нибудь топали под его руководством.

«А вот и мы,— орал он,— моя собственная баскетбольная команда!» И пока он как петух шлялся по пляжу, я мечтал, как бы поскорее от него смыться.

Должно быть, он испытал что-то вроде удара, когда однажды понял, что дети, по каким-то совершенно непонятным для него причинам, всячески избегают его общества и под страхом смерти не хотят появляться на улице с ним рядом. Маленьким я всегда подражал отцу, его манеры и поведение были для меня эталоном. Неожиданно, когда мне исполнилось тринадцать лет, я перестал воспринимать его как идеал. Сам став отцом, я понял, что нет более приятного чувства, чем видеть, как твой ребенок старается подражать тебе, как он трепетно относится к любому бреду, который ты произносишь с глубокомысленным видом. Все это я испытываю сейчас со своим сыном Джесси. Он просит мать нарисовать ему искусственную татуировку, чтобы он был «как папа». У него есть своя мотоциклетная куртка и обрезанные по колено джинсы, как у меня, и он знает наизусть все мои песни.

В тот день, когда подражание заканчивается, родители чувствуют себя лишними. Матери понимают, что их место в жизни шестнадцатилетнего сына уже занято подружкой или электрогитарой, а отцы видят, что дочери нашли им замену в лице соседского оболтуса или обожаемого учителя. Я готов к тому, что однажды окажусь ненужным Джесси, что он отвергнет мои принципы и идеалы,— я готов к этому, потому что это часть его процесса взросления. Быть родителем — это также означает и быть готовым к тому, что сын или дочь подвергнут сомнению твою власть, которая когда-то была непререкаемой.

Убежден, что отец ненавидел мои длинные волосы не потому, что ему нравились короткие стрижки. Истинная причина заключалась в том, что он хотел видеть меня маленьким Дэнни Снайдером, миниатюрным вариантом его самого, поэтому я обязан был носить стрижки, подобные его собственным. Мои локоны всегда были для него напоминанием, что я становлюсь самим собой. И подсознательно я чувствовал, что, когда я отращу волосы, отец уже не сможет управлять мною. Даже сейчас, когда отец смотрит на меня, он видит не того Ди Снайдера, которого знает весь мир — с длинными волосами, серьгами, в татуировках и с накладными вампирскими клыками. Мой отец видит маленького Дэнни, своего первенца, свою гордость, сына номер один. И когда он смотрит на моих братьев Фрэнка, Мэтта, Марка и Дуга, он видит Фрэнки, Мэтти, Марки и Дуги. (Не спрашивай, что значит эта буква «и» в конце каждого имени,— не я придумывал имена, а отец и мать.)

Перевел с английского Н. КАРЛИН

Продолжение следует

В следующем номере: «Изучай своих родителей»», «Родители тоже ошибаются», «Комендантский час» и многое другое.

ТИМОТИ ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ

Для начала разберемся с путаницей — как же его все-таки зовут! В нашей прессе мелькало то Далтон, то Долтон. «Словарь английских фамилий» настаивает на Долтоне, хотя тут же оговаривается, что традиционно эта фамилия может произноситься как Дальтон. Да и сам образ актера как бы раздваивается — трагические роли шекспировского репертуара (тогда Дальтон!), а рядом — традиционно-великолепный мужчина Джеймс Бонд (значит, Долтон!).

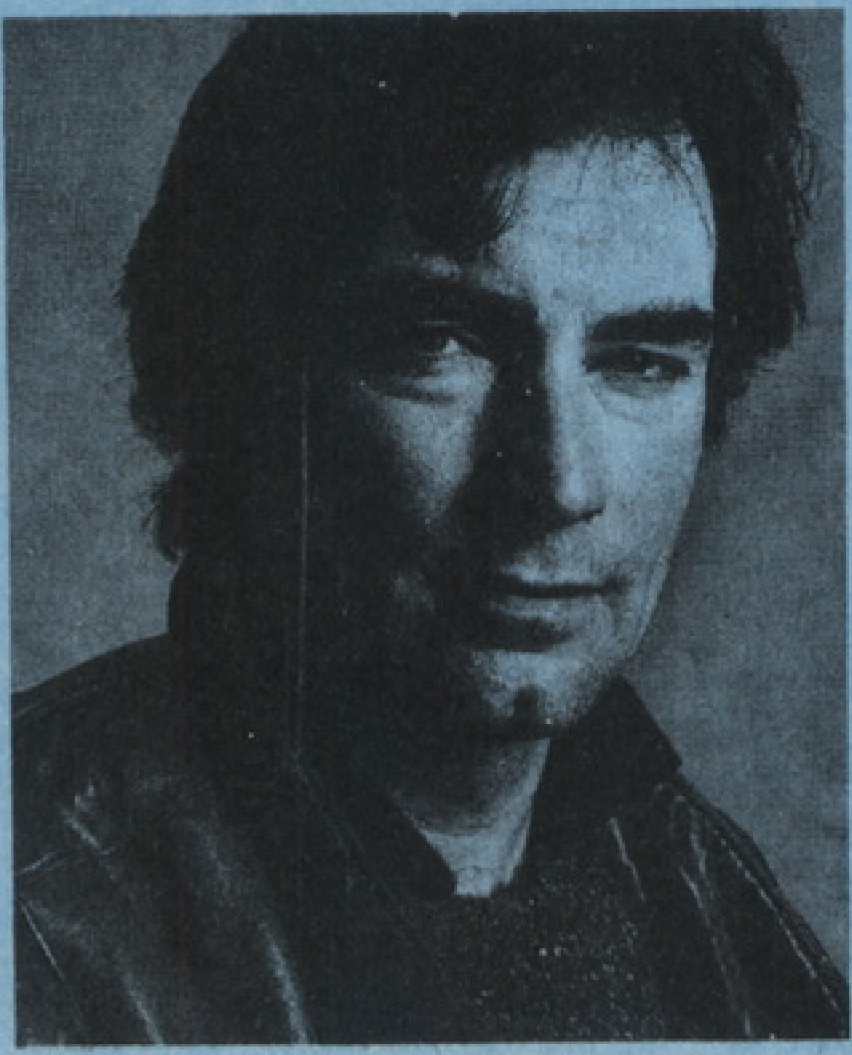
Однако «бондиана» существует у нас лишь в нелегальном видеопрокате, а сердца телезрителей Тимоти Долтон (давайте все же остановимся на современном варианте) покорил благодаря своей роли в пятисерийном телефильме «Джейн Эйр». После этой классической викторианской мелодрамы у Тимоти Долтона появились отряды поклонниц, которые хотят знать об актере «все, все, все», но при этом вряд ли подозревают, что он уже дважды представал на наших киноэкранах — в фильме «Лев зимой», где он сыграл французского короля Филиппа II, и в «Кромвеле» — там молодой актер выступил в роли лихого кавалериста принца Руперта. Вообще казалось, что Долтон как киноактер просто обречен на «историческо-костюмные» фильмы.

Хотя начало его карьеры предполагало совершенно иное.

Тимоти Долтон родился 21 марта 1946 года и был пятым ребенком в семье преуспевающего рекламного агента. Детство его прошло в Манчестере. Как он заявил в одном из интервью, в школьные годы он увлекался спортом и участвовал почти во всех школьных командах: «Больше мне ничего не нравилось». Посмотрев в 16 лет шекспировского «Макбета» в постановке знаменитого театра «Олд Вик», юный Тимоти заинтересовался профессией актера и после окончания школы поступил учеником в труппу любительского Национального молодежного театра, а затем провел два года в престижной Королевской академии драматических искусств.

В 1966 году он был принят в труппу известного в Великобритании Бирмингемского репертуарного театра и дебютировал в комедии Шекспира «Как вам это понравится», затем последовали главные роли в «Венецианском купце» и «Ричарде III». Молодого актера стали приглашать на телевидение, и в 21 год он сыграл первую роль в кино — это был «Лев зимой».

Дебют Долтона в кинематографе прошел весьма успешно, и уже в 1970 году он снялся в «Кромвеле». В том же году вышла экранизация классического романа Эмилии Бронте (сестры Шарлотты Бронте, автора «Джейн Эйр») «Грозовой перевал». Фильм оказался неудачным, особенно в сравнении с



экранизацией 1939 года, где в главной роли снимался великий Лоуренс Оливье. Сам Тимоти считает, что во всем виноваты были продюсеры, сократившие готовый фильм на 30 минут в попытке сделать его более сентиментальным.

После ряда «костюмных» ролей, не принесших ему особого удовлетворения, Долтон на пять лет покидает кинематограф и работает только в театре. Со спектаклями по пьесам Шекспира «Макбет», «Король Лир» и «Ромео и Джульетта» он объездил всю Великобританию и многие зарубежные страны. В 1975 году Долтон возвращается в кино, снявшись в шпионском фильме «Разрешение на убийство». Он получает приглашение в Голливуд, где играет в мелодрамах и приключенческих картинах. В 1979 году в паре с Ванессой Редгрейв, с которой его связывают тесные дружеские и профессиональные узы, он снялся в фильме «Агата» в роли мужа знаменитой детективной писательницы Агаты Кристи.

Привлекательная внешность и обаяние заинтересовали и создателей американских телемелодрам. На обвинения в том, что в Америке он попусту растрачивал свой талант, сам актер ответил так: «Иногда приходится появляться и в негодных сценариях, но если ты стремишься быть убедительным, искренне вкладываешь все, что можешь, в текст, который тебе дают, я не думаю, что в этом есть что-то постыдное. Жизнь не всегда растекается медом по устам, приходится трудиться и ради куска хлеба».

Несмотря на активную работу в кино и на телевидении, Тимоти Долтон не порывал со сценой. Особенно удачными были признаны его дуэты с Ванессой Редгрейв в постановках шекспировских пьес «Антоний и Клеопатра» и «Укрощение строптивой».

В 1986 году Долтон получил приглашение голливудской студии «Юнайтед артистс» на роль Джеймса Бонда: «Меня заинтересовала возможность очеловечить образ знаменитого агента 007. Бонд не супермен, в душе он идеалист, открывающий вновь и вновь, что правильно, а что нет и что такое истина». Создатели нового фильма попытались несколько модернизировать в духе времени и традиционный сюжет: Джеймс Бонд действует в мире, где есть не только плохие русские, но и хорошие, с которыми можно сотрудничать. Кроме того, бесстрашному агенту приходится больше полагаться на собственную интуицию, нежели на приказы. Во время съемок Долтон поразил даже многоопытных членов съемочной группы своим желанием и способностью исполнять многочисленные трюки без помощи дублеров: ему пришлось висеть на скале в Гибралтаре, спускаться на парашюте в лодку и лежать на крыше мчащегося с предельной скоростью автомобиля. Надо сказать, что, несмотря на многочисленные легенды, окружающие у нас «бондиану», исполнение роли агента 007 требует от актера недюжинного мастерства: с одной стороны, работы «всерьез» — для, скажем, не слишком мудрого зрителя, с другой стороны — умения легко, без нажима подчеркнуть пародийный характер персонажа. Это удавалось предыдущим Бондам — Шону Коннери, Роджеру Муру, удалось это и Тимоти Долтону.

В 1988 году Долтон вновь выступил на лондонской сцене, на этот раз в пьесе американского драматурга Юджина О'Нила «Душа поэта». По мнению критиков, роль спившегося ирландского иммигранта, живущего воспоминаниями о войне, достойна любой театральной награды. В июне прошлого года на лондонские экраны вышел очередной фильм о Джеймсе Бонде с участием Тимоти Долтона «Право на убийство». На этот раз агент 007 борется с латиноамериканской наркотической мафией. Создатели фильма и актер продолжили или, во всяком случае, попытались продолжить поиски нового, более реального образа: человека из плоти и крови, выступающего в сюжете, взятом прямо из заголовков сегодняшних газет.

Сам Долтон в отличие от своего героя ведет весьма замкнутый образ жизни. Он до сих пор не женат. Любимый вид отдыха — рыбалка, он также любит читать, часто ходит в кино и театры. На вопрос одного из журналистов актер заявил: «Бонд никогда не говорит о своей личной жизни, и я тоже. Давайте закончим на том, что мне не нравятся эффектные женщины и спортивные автомобили».

Н. ТВЕРДОХЛЕБОВ


TIMOTHY DALTON
BO ND 007

МИССИСИПИ в ОГНЕ





"Mississippi Burning"

США. 1989. 2 ч. 06 м. Реж. Алан Паркер, сцен. Крис Джеролмо, комп. Тревор Джонс. В ролях: Джин Хэкман (Андерсон), Уиллем Дафоу (Вард), Ф. Макдорманд, Б. Дуриф и др.

После «Последнего искушения Христа» Мартина Скорсезе, пожалуй, ни один фильм не вызывал столь обильной критики, как «Миссисипи» Алана Паркера. Причина разгоревшихся вокруг фильма споров в том, что Паркер, решив затронуть болезненную для американцев тему «Филадельфийской трагедии» (речь идет об убийстве в июне 1964 г. трех молодых людей, борцов за гражданские права), вероятно, для придания сюжету большей «детективности», исказил многие исторические факты. Фильм, ставящий важную проблему — допустимо ли насилие во имя закона, поднял в американском обществе еще более значительную тему: допустимо ли искажение истории во имя благородных целей!



"Good morning Babylone"

Италия, Франция, США. 1987 г. 1 ч. 58 м. Реж. и сцен. Паоло и Витторио Тавиани. Комп. Н. Пьовани. В ролях: В. Спано (Никола), Ж. де Альмейда (Андреа), Г. Скаччи (Эдна), Д. Беккер (Мэйбл), О. Антонутти (Бонанно), Ч. Дэнс (Гриффит) и др.

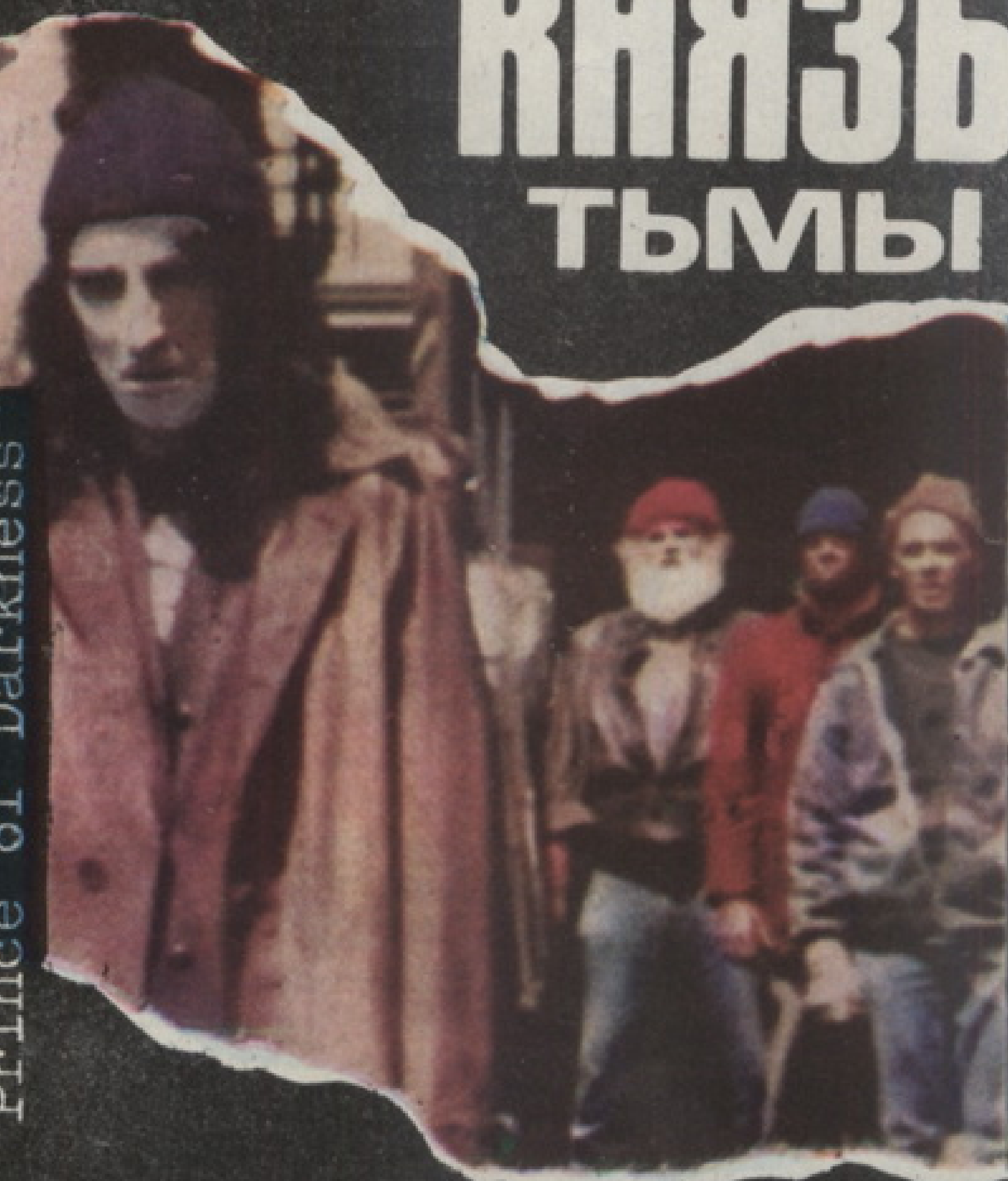
Андреа и Никола, сыновья реставратора храмов, в поисках заработков покидают Италию и устраиваются в только-только становящийся на ноги Голливуд. Мечтавшие работать как архитекторы, они вынуждены строить декорации к голливудской ленте о жизни Вавилона: громадного слона из папье-маше. Мечтающие снять когда-нибудь свой фильм, они вновь оказываются в Европе, в армии, на войне. На поле боя они подбирают кинокамеру убитого оператора и в последние минуты своей жизни снимают первые и последние кадры: самих себя, чтобы дети их знали, какими они были.

NB : Эта созданная тремя ведущими кинодержавами лента — символический совет всем, кто мечтает проявить себя в мире киноискусства и искусства вообще. В фильме достоверно воссоздается атмосфера раннего Голливуда.

Доброе утро, ВАВИЛОН!



КНЯЗЬ ТЬМЫ



"Prince of Darkness"

США, 1987 г. 1 ч. 38 мин. Реж. и комп. Джон Карпентер, сцен. Мартин Куотермас. В ролях: Дональд Плизенс, Джеймсон Паркер, Виктор Вонг, Лиза Блаунт, Элис Купер и др.

Добро, конечно, должно побеждать зло, но если бы зло не возрождалось вновь и вновь, что делали бы постановщики фильмов ужаса! Этот фильм, выдержанный в соответствии со всеми законами жанра, примечателен и еще участием прекрасных актеров — Дональда Плизенса, без которого еще со времен «Дракулы» не обходится ни один «ужастик», Виктора Вонга (он снимается во многих «каратэшных» лентах) и... знаменитого рок-музыканта Элиса Купера в роли одного из членов ужасного «братства спящих».



«КТО ОБВИНЯЕТ КРОЛИКА РОДЖЕРА?»

США. 1988. 1 ч. 36 м. Реж. Роберт Земекис, сцен. Джеффри Прайс и Питер С. Симэн. Комп. А. Сильвестри. Мультипликация — Ричарда Уильямса. В ролях: Боб Хоскинс (Эдди), Кристофер Лойд (судья Демор), Джоанна Кассиди (Долорес) и др.

Совместить в одном фильме мультипликационных персонажей и настоящих живых актеров — идея не новая. Такие эксперименты проводил еще Уолт Дисней. Однако никогда подобные фильмы не были столь безупречны по качеству. Успех этой ленты Земекиса, известного по фильмам «Роман с камнем» (1983), «Возвращение в будущее» (1985), кроется, по мнению критиков, в том, что ему удалось наделить мультипликационных персонажей подлинно живыми характерами. По крайней мере, уже сейчас ясно, что у Микки Мауса появился достойный преемник — невообразимо длинноухий кролик Роджер.



"Who Framed Roger Rabbit?"



США. 1987. 1 ч. 40 м. Реж. Э. Ардолино, сцен. Э. Бергстейн. Комп. Дж. Моррис. В ролях: Патрик Суэйз (Джонни Касл), Дженнифер Грей (Бэби), Джерри Орбах (Др. Хаузманн), Ц. Родес, Дж. Бракер, Дж. Уэстон, К. Бишоп, Ч. Хони Коулз, Л. Прайс, М. Кантор.

Франс по прозвищу «Бэби» проводит лето, как бы у нас сказали, в «закрытом» доме отдыха вместе с родителями. За ней безуспешно ухаживает сын директора заведения, обучающий танцам богатых пансионерок. Нежные чувства двух молодых людей подвергаются серьезным испытаниям на прочность.

№ : Фильм продолжает традиции «танцевальных» фильмов, таких, как «Флэшданс», «Бал», в которых музыкой и хореографией удается сказать значительно больше, чем словами. На этот раз действие развивается в начале 60-х, в период зарождения движения хиппи...

Dirty DANCING



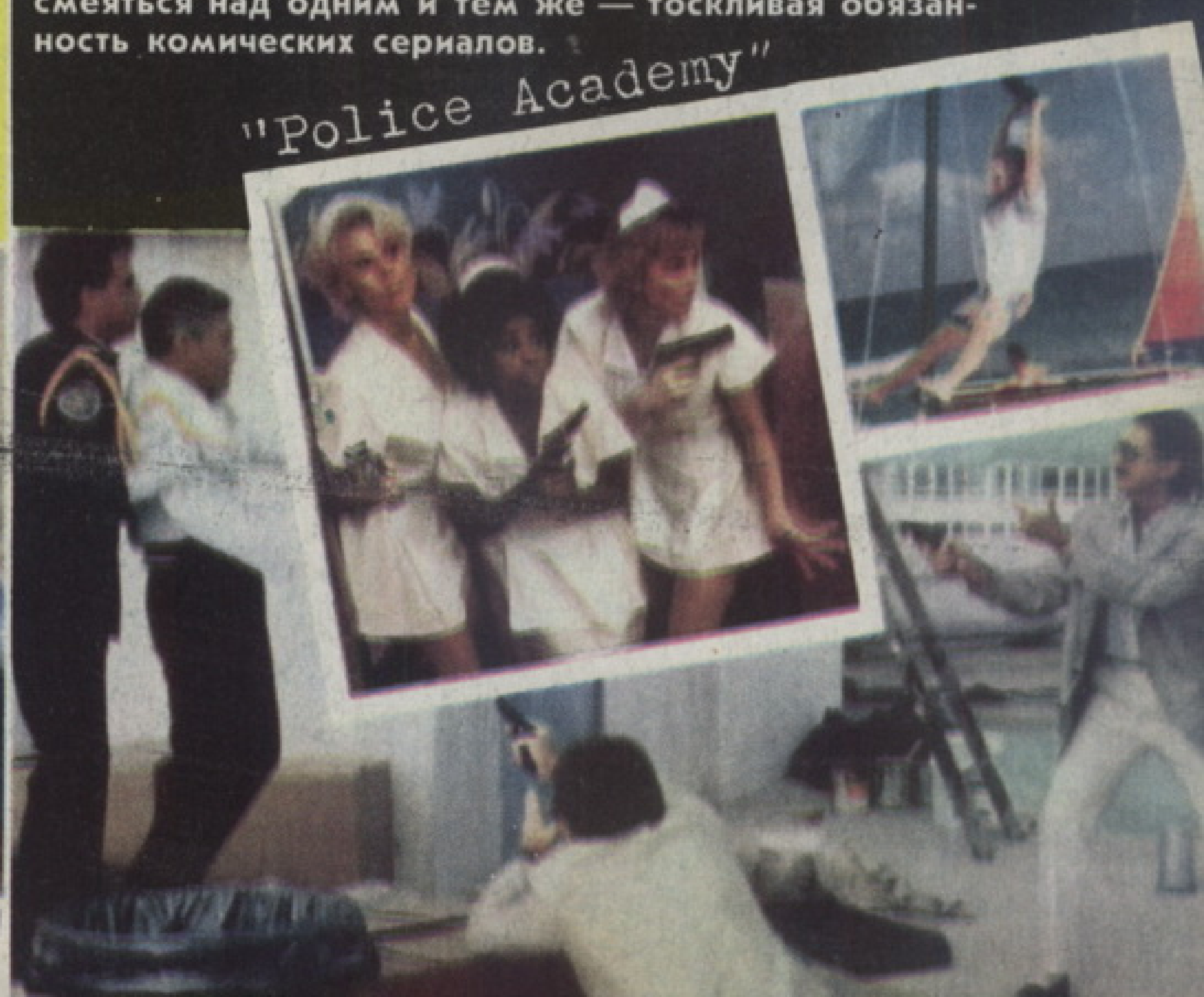
ПОЛИЦЕЙСКАЯ АКАДЕМИЯ

США. 1987. 1 ч. 30 м. Реж. Джим Драйк. Сцен. Джен Кинтано по мотивам сюжета Нила Исраэла и Пэта Профта. Комп. Роберт Фол и «Блоу Манкиз». В ролях: Стив Гаттенберг (Махоуни), Бубба Смит (Хайтауэр), Майкл Уинслоу (Джонс) и др.

Пока полковник Лассар находится на конгрессе в Лондоне, а лейтенант Гаррис в очередной раз замышляет заговор, чтобы занять место начальника академии, Махоуни и его друзья выполняют важную миссию, в результате которой после головокружительных погонь они обезвреживают банду преступников.

№ : Сюжет, как видите, столь же прост, как и во всех предыдущих «Академиях». Впрочем, и набор шуток и трюков в очередной серии также не отличается оригинальностью. Любители кинематографических вольностей, безусловно, порадуются этому «десерту», за которым можно скоротать время в ожидании пятой серии (см. фото). Многократно смеяться над одним и тем же — тоскливая обязанность комических сериалов.

"Police Academy"



ИНДЕКС 70781
ЦЕНА 35 коп.


FRANK ZAPPA